
Лилия Орланд
ПОПАДАНКА
В 1812:
ВЫЖИТЬ И ВЫСТОЯТЬ

Попаданка в 1812

Лилия Орланд

Попаданка в 1812: Выжить и выстоять

«Автор»
2026

Орланд Л.

Попаданка в 1812: Выжить и выстоять / Л. Орланд — «Автор», 2026 — (Попаданка в 1812)

Я попала в прошлое, в 1812 год. Самый разгар войны с Наполеоном. Моё имение разорено солдатами французской армии. Я с горсткой крестьян вынуждена скрываться в лесу, чтобы выжить, выстоять и вернуть себе родную землю.

© Орланд Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 14
Глава 4 18
Глава 5 20
Глава 6 24
Глава 7 30
Глава 8 34
Глава 9 38
Глава 10 42
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Лилия Орланд
Попаданка в 1812: Выжить и выстоять

Посвящается Тиме,
очень-очень хорошему мальчику,
с которым вместе мы писали эту книгу

Глава 1

– Помрёт она. Точно тебе говорю.

– Не каркай, Спиридоновна.

– Каркай, не каркай, пустое всё… Ты глянь, как личико ейное распанахали. А така хорошенька барышня была.

– Выкарабкается. Она сильная.

– А коли нет? Говорю тебе, Лукея, уходить надо!

– Воды лучше чистой принеси. И потише там. А ну как вернутся.

Голоса жужжали, то поднимаясь в верхний регистр, то опускаясь до басов. Басила та, кого называли Лукеей. Писклявая Спиридоновна вызывала головную боль. Но едва она замолкла, я поняла, что дело не в ней.

Моя голова пылала болью. Особенно левая сторона лица, от носа до уха. Я никогда не испытывала ничего подобного. Даже когда наступила на гвоздь в детстве.

Вдохнула, и лицо обожгло новой порцией боли. Я захныкала, обиженная такой несправедливостью.

– Тише-тише, барышня, – раздался голос Лукеи совсем рядом. – Сейчас Грипка водицы свежей принесёт. Сразу полегчает.

Кто такая Грипка и почему полегчает от водицы, я не поняла. Это был бессмысленный набор слов. Вообще всё происходящее не имело смысла, а значит, я сплю. Только во сне могут происходить лишённые логики события.

И я бы спала дальше, если б не эта боль. Она впилась в лицо хищным зверем. Грызла. Рвала. Терзала.

– Ну где тебя носит, Спиридоновна?! Худо ей, не видишь? – в голосе Лукеи слышалась паника.

– Бегу ужо, – Спиридоновна запыхалась, словно и правда бежала.

Затем раздался звук воды, разбивающейся о землю. И моего горящего лица коснулась блаженная прохлада. Я протяжно выдохнула, чувствуя, как угасает пламя и уходит боль.

– Помирает она, – всхлипнула Спиридоновна.

– Да помолчи ты! – прикрикнула на неё Лукея.

И тут я открыла глаза.

В помещении, где я находилась, царил полумрак. Пахло животными и соломой. Свет поступал из распахнутой настежь двери, а ещё оттуда тянуло дымом костра.

– Это тоже сон? – поинтересовалась вслух.

– Очнулась! – воскликнула Лукея. – Жива наша барышня!

– Счастье-то какое! – Спиридоновна всхлипнула.

Обе женщины склонились надо мной. Я сразу поняла, кто из них кто.

– Ты, – указала на дородную женщину лет пятидесяти, чьи тёмные кудри с проседью были коротко и неровно острижены, словно ребёнок баловался с ножницами, – Лукея.

Я вспомнила её низкий, грудной голос.

– А ты, – эта женщина была старше, а ещё меньше и изящнее, круглолицая, с острым носиком и тёплыми глазами. Из-под платка выбивались тонкие пепельные пряди и падали на лицо. – Ты – Спиридовна.

Женщины переглянулись.

– Перепутали вы, барышня, – стриженая покачала головой, отчего её кудри заколыхались, и стало ещё более заметно, что они откромсаны. – Это я Агриппина Спиридоновна, то есть Грипка. А она – Лукея, но Лушей её никто не кличет. Лушка у нас другая. То есть была… Нету больше Лушки…

Спиридоновна разрыдалась. Махнула рукой и отошла в угол.

Рядом со мной осталась Лукея.

– Ничего, барышня, после такого немудрено путаться. Главное, что живы остались. А память – дело наживное. Вернётся память. И личико заживёт, – она вздохнула и бросила в угол, где всхлипывала Спиридоновна, скорбный взгляд.

Снаружи донёсся вопль, полный отчаяния и боли. Я приподнялась на локтях. Да что за сон такой? Нельзя сменить на что-нибудь повеселее?

– Лягте, барышня, не след вам ещё вставать, – Лукея аккуратным, но твёрдым движением уложила меня обратно. – Давайте-ка повязку вам сменим. Коли рану в чистоте держать, так и заживёт быстрей.

Её голос действовал успокаивающе. А ещё тёплый взгляд и мягкие руки. Я даже не сразу поняла, о какой повязке идёт речь. Боль, ещё недавно сжигавшая моё лицо, исчезла без следа.

Впрочем, во сне такое случается.

Лукея осторожно приподняла тряпицу, прикрывавшую левую сторону моего лица, и, вскрикнув, уронила обратно.

– Что?! Опять? Идут?! – Спиридоновна бодро вскочила и бросилась к выходу.

Правым глазом я смотрела, как она застыла в проёме, ухватившись за боковины расставленными руками. Мой левый глаз прикрыла упавшая тряпица. Теперь она мешала, и я убрала её. А затем села, осознав, что всё это время лежала на кучке соломы.

Лукея попятилась, глядя на меня расширенными от испуга глазами.

– Нету никого, – сообщила Спиридоновна, поворачиваясь. – Чего кричала-то?

Когда её взгляд остановился на мне, женщина пошатнулась, опершись плечом о косяк. Рот открылся буквой «О». Брови поднялись так высоко, что, казалось, ещё чуть-чуть и коснутся волос.

– Батюшки святы, – Спиридоновна широко перекрестилась, не отрывая взгляда от моего лица.

Мне надоели эти непонятные гляделки. Я поднялась на ноги, чувствуя себя странно и непривычно. Такое ощущение, что стала выше ростом. А ещё, я коснулась волос – густых, длинных, заплетённых в косу и тоже не моих. Да и одежда…

Я сделала шаг и запуталась в длинной многослойной юбке. Никогда такие не носила. К тому же подол и рукава были густо заляпаны кровью. Я опустила взгляд – верх платья тоже перепачкан. Сейчас я ощутила насыщенный железистый запах.

Очень странный сон.

И эти женщины, которые смотрели на меня как на привидение и отступали, стоило мне сделать шаг вперёд.

Я решила, что с меня хватит их общества и направилась к выходу. Глядишь, там новый сон начнётся, получше этого.

Выбившиеся из косы волосы защекотали лицо. Я смахнула их и почувствовала на коже нечто чужеродное. Болезненно реагирующее на прикосновения. То, чего не должно там быть.

У двери, на границе света и тени, стояло ведро. Я направилась к нему и угадала – оно было доверху наполнено водой.

Собрав волосы, чтобы не лезли в глаза, я склонилась и тоже чуть не отпрыгнула. Из отражения на меня смотрела незнакомка с огромным багровым рубцом, пересекавшим лицо от переносицы до левого уха.

– Что это такое? – вырвалось у меня испуганное.

Сон из просто неприятного перешёл в разряд кошмаров.

Это было не моё отражение. Уж себя бы я узнала. Почти тридцать лет каждое утро в зеркало смотрю. Глаза у меня голубые, слегка прищуренные из-за близорукости. Лицо округлое,

нос картошкой. Волосы по совету коллеги я постригла и покрасилась в блондинку. Не скажу, что стала супермоделью, но без очков была вполне ничего.

И я не понимала, куда делось моё лицо. Привычное, родное и потому любимое.

Эта девушка из отражения была моложе и привлекательнее. По крайней мере, с правой стороны. Глаза зелёно-карие, с красивым разрезом. Изящный профиль. Волосы длинные и густые, с рыжеватым отливом.

Правда, этот ужасный шрам всё портил.

Но больше всего мне не нравилось, что, когда я касалась пальцами рубца, девушка в отражении в точности повторяла мой жест. И чем больше я его трогала, тем сильнее он зудел.

– Что происходит? – я повернулась к женщинам.

– Хранцузы эти проклятущие постреляли всех да порубали… – всхлипнула Спиридоновна и снова разрыдалась.

Хранцузы – это французы? Мой кошмар превращался в горячечный бред.

Лукея покачала головой и спросила:

– Вы совсем ничего не помните?

– Не помню, – я не стала спорить.

В детстве у нас была такая присказка: не знал, не знал, да и забыл. Вот примерно так я себя сейчас ощущала.

– Войско-то главное мимо прошло. К Москве торопятся. Но мародёров в округе полно рыскает. Папенька ваш пистоли при себе держал, чтоб, значит, спугнуть, коли сунутся к нам.

– Папенька? – перебила я. То, как Лукея произнесла это слово, мне не понравилось.

– Нету у вас папеньки боле, – выкрикнула из угла Спиридоновна. – Порубили его хранцузы окаянные.

Я перевела взгляд обратно на Лукею. Она смотрела с сочувствием.

– Они перед рассветом пришли. Почти два десятка, – вздохнула она. – С пистолями, ружьями и саблями. Нас-то поболе было, но спали ещё. Врасплох застали, ироды. Часовые крик поднять лишь и успели. Мужики повыскакивали, кто с топором, кто с вилами. А хранцузы по ним как давай с ружей палить… Почти все и полегли. Потом саблями добивать стали. Никого не жалели, ни баб, ни детей малых...

Звучало просто чудовищно. Хорошо, что всё это не по-настоящему. Хотя для сна тоже было слишком жестоко, прежде мне такие не снились.

– Как погиб мой отец? – кажется, я начинала принимать правила игры.

В мыслях возник непрошенный образ – высокий мужчина со строгим лицом и тёплым взглядом карих глаз. Мой настоящий отец тоже погиб. И этот вопрос словно бы вернул меня в те дни, когда мама бесконечно плакала, а я не понимала, как может быть, что папа не вернётся. Ведь он всегда возвращался домой.

– В кабинете своём, – ответила Лукея. – Так за столом и сидел. Только с одного пистоля стрельнуть и успел папенька ваш. Хранцуза застрелил, а другой его самого…

– Что было потом?

– Так вы, Катерина Пална, на шум прибежали. Как папеньку увидали, бросились к нему. А хранцузы по кабинету шастали, ценности искали. Ну и… – она сделала паузу, но затем всё же продолжила: – Ну и порубили они вас.

Чем больше рассказывала Лукея, тем более личной для меня становилась эта история.

Может, потому, что она говорила обо мне. Той мне, которой я была и не была одновременно. Впрочем, для сна это вполне нормально.

Только одно меня смутило. Я потрогала шрам на щеке.

– Когда, вы говорите, произошло нападение?

– Дык сегодня и произошло, – Спиридоновна перестала рыдать в углу и присоединилась к нам. Я решила, что она не может долго находиться в одиночестве. Компания ей жизненно необходима. – Ровнёхонько перед рассветом ироды явилися.

Я глянула на дверной проём. Солнце стояло высоко. Сейчас примерно середина дня. Я снова потрогала рубец и перевела взгляд на женщин.

– То есть меня ранили сегодня утром? Несколько часов назад? И рана почти зажила за это время?

Звучало ещё невероятнее, чем напавшие на рассвете «хранцузы» и застреленный из «пистоля» папенька.

Судя по вытянувшимся лицам, обе дамы думали точно так же.

– Когда мы вас сюда притащили, – поведала Спиридоновна, – на вас и личика-то не было. В кровище всё и зубы торчат…

– Грипка! – одёрнула её Лукея.

– Что Грипка? – огрызнулась на неё Спиридоновна и продолжила для меня: – Ей-богу, барышня, правду говорю. Я испужалась страх как. Думала, помрёте, как ваш батюшка…

Её лицо сморщилось. Раздался всхлип. И эмоциональная Агриппина Спиридоновна снова отошла в угол, чтобы поплакать.

А я поймала взгляд Лукеи.

– Не знаю, как так может статься, Катерина Паловна, – она пожала плечами. – Перетащили мы вас сюда едва живую. И лица у вас не было – рана одна. Грипка не лгёт, зубы видать было. Вы всё стонали, стонали, а потом раз – и будто не было ничего. Только это вот…

Она провела по своей щеке, изображая мой шрам.

Я устала стоять без движения, что для сна было странно. А ещё запёкшаяся кровь неприятно стягивала кожу. Вспомнив о ведре с водой, я попыталась вымыть руки.

Кровь отходила с трудом. Кожа чуть посветлела, но не более. Зато вода обрела розовый оттенок.

– Зачем вы вытащили меня из дома? – спросила у Лукеи, думая, что там наверняка нашёлся бы кусочек мыла. – Разве внутри не удобнее оказывать помощь?

– Так это… – теперь уже всхлипнула Лукея. – Сожгли дом-то.

– Всю усадьбу нашу сожгли, – донеслось из угла. – Всё наше Васильевское…

Глава 2

Я бросилась к проёму. Выглянула наружу и застыла, не решаясь двинуться дальше. Ибо то, что передо мной предстало, я не могла даже назвать человеческим словом.

Сейчас действительно была примерно середина дня. По ярко-голубому небу проплывали белые ватные облака. Светило солнце, лаская лучами сочную зелёную траву, на которой в неестественных позах лежали люди – мужчины, женщины, дети.

Возле кого-то рыдала жена или мать, другим перевязывали раны. Босоногий мальчишка с встопорщенными вихрами и перемазанным сажей лицом грыз краюху хлеба, отщипывая кусочки для такой же лохматой собачонки.

Усадьба пропахла дымом. Большинство зданий превратились в чёрные остовы, из которых торчали обгоревшие печные трубы. Уцелел лишь пустой хлев, откуда я вышла, и пара деревянных домиков.

Я почувствовала, как закружилась голова. От запаха дыма и крови, от вида людских страданий.

Мне не нравится этот сон. Он слишком жесток. Хочу проснуться. Я хочу проснуться!

Ущипнула себя за руку, затем ещё раз – сильнее. Зажмурилась и сосчитала до десяти, прежде чем снова открыть глаза.

Всё осталось прежним. Тёплый солнечный день, кровь и плач по погибшим.

Я услышала, как сзади подошли Лукея со Спиридоновной.

– Это не сон? – спросила я, не оборачиваясь.

– Явь это, Катерина Паловна, явь, но такая, что лучше б сон, – голос Лукеи пропитался скорбью.

– Барышня! Живая! Барышня наша жива!

Кто-то заметил меня и сообщил остальным. На меня показывали пальцем. Ахали, смотрели и улыбались. А ещё шли, оставляя своих умерших, помогая раненым. Шли ко мне. В голосах звучала радость. На лицах появилась надежда.

– Чудо это! Божий промысел! – мой шрам тоже не остался без внимания.

Меня пугали эти люди. То, как они смотрели. Словно у меня были ответы на все вопросы. Словно я сейчас скажу, что делать. Как им быть.

Их было четырнадцать. Тех, кто мог держаться на ногах. Многие легко ранены. Две женщины прижимали к груди младенцев. Ещё шестеро детей примерно от пяти до пятнадцати лет стояли между взрослых. И только двое держались за одежду матерей. Остальные выглядели потерянными и одинокими среди людей.

Большинство было в ночных рубахах, испачканных кровью, землёй и сажей. Волосы растрёпаны или, как у Спиридоновны, откромсаны. Теперь я знала, что произошло. Не могла лишь понять – почему?

У кого может подняться рука на пожилую женщину? Старика? Ребёнка? Кем нужно быть, чтобы прийти в сумерках, разграбить и сжечь усадьбу, оставив горстку выживших на произвол судьбы?

– Какой сейчас год? – спросила я охрипшим голосом.

– Тысяча осьмсот двенадцатый от рождества Христова, – сообщила Спиридоновна, вставшая за моим правым плечом.

Что?

Тысяча восемьсот двенадцатый год и напавшие на усадьбу французы? В голове сразу возникла единственная ассоциация, связанная одновременно с двумя этими фактами.

– Где мы находимся? – уточнила я, чтобы убедиться, что угадала верно.

– На Смоленщине, – подтвердила Лукея, стоявшая слева. – До Москвы четыреста вёрст. Три дня пути. Вот они и идут, ироды.

Летом тысяча восемьсот двенадцатого года к Москве двигалась армия Наполеона. Французские солдаты мародёрствовали в деревнях и усадьбах, проявляя нечеловеческую жестокость.

Это я помнила из уроков истории.

Однако было очень сложно поверить в то, что я оказалась в прошлом. Пусть и во сне. Но очень необычном сне – детальном, хорошо продуманном, слишком реалистичном.

Мои ступни чувствовали мелкие камешки. Ноздри различали запах дыма. Кожу стягивала засохшая кровь, так и не отмывшаяся до конца.

Я опять ущипнула себя за руку. В том же месте, которое ещё болело после первого щипка. И снова ничего не изменилось.

Неужели я не сплю? Неужели я действительно оказалась в прошлом? Вокруг меня творится история, которая стала моей реальностью.

Голова опять закружилась. Я почувствовала, как Спиридоновна справа подхватила меня под руку. Слева плечо подставила Лукея.

Люди направлялись ко мне. Подойдя, они образовали полукруг. Все взгляды обращены на меня. В них плещется боль, страх и надежда. Надежда, что я исправлю то, что сотворили французские солдаты. Что верну их близких, исправлю искорёженные жизни, залечу раны и сотворю иные чудеса.

Я не могла сказать им, что произошла ошибка. Что я не их барышня, чудом оставшаяся в живых. Что я попала сюда из далёкого будущего и всё ещё не до конца уверена, что это не сон.

Вокруг меня стояли живые люди. Испытывали боль и страх. Надеялись на меня. У меня просто не осталось иного выбора. Мне пришлось стать Екатериной Павловной (или как там теперь меня зовут?) и сказать…

Я должна была что-то сказать. Они все этого ждали. Сказать им, что теперь делать.

У меня не было опыта выживания в сожжённой французами усадьбе, но логика подсказывала, что здесь могут появиться и другие мародёры. А значит, оставаться небезопасно. Нам нужно уйти подальше от дороги на Москву, по которой движется наполеоновская армия, и найти убежище.

И пока я решу, куда нам отправиться, нужно занять людей полезным делом. Чтобы они думали не о том, чего лишились в прошлом, а о том, что ждёт их в будущем.

– Здесь, – горло сжалось от волнения. Мне пришлось откашляться, прежде чем продолжить. – Здесь оставаться опасно. Нам нужно уходить. Но сначала мы должны собраться и оценить свои возможности. Я прошу детей проверить всё, куда не добрались мародёры и огонь.

Я решила, что детям, особенно тем, кто остался без родителей, будет полезно отвлечься от своих потерь и заняться важным делом.

– Собирайте всё, что найдёте, и несите сюда. Продукты, одежду, инструменты – всё-всё, что может быть хоть немного полезным. Понятно?

Дети вразнобой закивали.

– Тогда бегите. Пункт сбора будет здесь! – последнее я выкрикивала уже им вслед.

– Теперь раненые… Кто знает, как оказывать помощь? Поднимите руки.

Одна рука взметнулась вверх. Вперёд вышла худая высокая женщина с узким лицом и светлыми волосами.

– Я травница. Могу остановить кровь и зашить рану.

– Очень хорошо, – обрадовалась я, что у нас есть тот, кто не растеряется при виде крови. – Как вас зовут?

– Верея, – женщина, а следом и остальные смотрели удивлённо, начали перешёптываться.

– После ранения я ничего не помню, – пояснила сразу, чтобы вопросов больше не было. – Поэтому вам придётся заново называть мне свои имена и подсказывать то, что я забыла. Верея, возьмите двух или трёх помощников и соберите раненых в одном месте. Нам нужно оценить их состояние, чтобы знать, с какой скоростью мы сможем передвигаться.

– Как прикажете, Катерина Паловна, – Верея склонила голову. Коснулась рукой двух женщин и увела за собой.

Я окинула взглядом оставшихся. Их взгляды переменились, из угрюмых стали сосредоточенными. Давая каждому простое задание, я словно бы возвращала им смысл жизни. Людям необходимо занятие, чтобы отвлечься от боли и страха. Нужно что-то понятное, доступное, то, что принесёт пользу.

– Как вас зовут? – я обратилась к женщинам с младенцами.

– Я – Марфа, – ответила молодка лет двадцати с растрепавшейся пшеничной косой. – А она – Василиса.

Вторая молчала. На вид она была совсем юной, лет восемнадцати, не больше. Голубые глаза, курносый носик и волосы совсем светлые, выгоревшие на солнце до золотого блеска.

– Марфа и Василиса, вы – матери, поэтому возьмите на себя заботу о малышах. Я пока не знаю, где мы укроемся, но в любом случае придётся идти. Вы должны приглядывать за детьми, чтобы никто не потерялся. И ещё пройдитесь опытным взглядом по усадьбе. Может, найдёте то, что пригодится младенцам. Вы должны знать, что нужно вашим детям.

– Как прикажете, Катерина Паловна, – поклонилась Марфа. – Токмо Васька не мать. Энто братик ейный. А мамку ихнюю с папкой и старшими братья́ми хранцузы порубали.

Кто-то невидимый сдавил когтистой рукой моё горло. Сдавил так сильно, что я не могла дышать.

Ненавижу этот сон. Ненавижу тех, кто сотворил всё это. Ненавижу!

Воздух не проходил в лёгкие. Я начала задыхаться. Кажется, у меня случился приступ паники. Вот только я не могла вспомнить, что нужно делать.

От недостатка кислорода закружилась голова, я пошатнулась и шагнула назад. С двух сторон меня подхватили.

– Барышня, миленькая, что случилось?

– Не видишь, худо ей. Слаба ещё! Сама ж едва с того свету выбралась.

– Дыши, дыши, Катерина Пална, нам без тебя не жить!

Я почувствовала, как меня гладят по спине. Сначала аккуратно, затем сильнее, растирая её. Наклоняют вперёд, заставляют разогнуться и снова сгибают.

Когда лёгкие заработали, и я наконец смогла набрать полную грудь воздуха, это показалось мне истинным счастьем. Самое главное, что я жива. И эти люди живы. Вместе мы выкарабкаемся.

– Передохнуть бы вам, барышня, – наткнулась на обеспокоенный взгляд Лукеи. И улыбнулась.

– Всё прошло, спасибо за помощь. Мне уже лучше.

– Это не ей спасибо, – поправила Спиридоновна, – это вон, Васька вас раскачала. Она за матушкой вашей ухаживала, когда бедняжка слегла. Доктору далече кататься было, он Ваську нашу и учил, как приступы останавливать.

– Спасибо, Василиса, – я всё ещё дышала глубоко и жадно, радуясь и наслаждаясь этой возможностью.

Всё-таки как мало человеку нужно для счастья.

Вася коротко поклонилась, не поднимая на меня взгляда, и забрала ребёнка, которого сунула в руки другой женщины, чтобы спасти меня от удушья.

К этой Василисе стоит приглядеться. Уверена, она тоже может заниматься ранами и болезнями. По крайней мере, окажет первую помощь, не растерявшись в трудной ситуации.

Но сейчас помощь была нужна ей самой. И девушка искала утешение в выжившем братике, прижимая его к себе и словно бы прячась за ним от реальности.

Так что Василису пока трогать не будем. Пусть придёт в себя.

К тому же рядом стояли ещё женщины. Двоих я отправила собирать одежду и любые ткани. Нам всё пригодится. Остальные должны искать еду, вернуть разбежавшихся кур и другой уцелевший скот.

С ранеными с младенцами нас получалось больше двадцати. Я надеялась, что будет ещё больше. Ведь кто-то мог убежать в лес, и вернётся позже.

– А нам что делать, барышня? Нам-то вы задания не дали, – удивилась Лукея, когда мы остались втроём.

– Мы будем делать самое трудное, – ответила я, собираясь с духом.

– Что? – спросила Спиридоновна.

– Мы должны собрать тела умерших и устроить им погребение, – вздохнула я.

– Да разве ж мы управимся вдвоём-то? Копать до завтра придётся, – Спиридоновна хоть и ворчала, но взглядом уже проходилась по телам, словно бы подсчитывая и оценивая фронт работ.

– Нас трое, и мы не будем копать, – успокоила её. – Мы устроим огненное погребение.

– Не по-христиански это, – Лукея тоже высказала свои сомнения. – Надо бы могилку и чтоб крест стоял…

– У нас сейчас нет ресурсов, чтобы устроить погибшим достойные похороны. Поэтому мы позаботимся о том, чтобы до них не добрались звери и следующие банды мародёров. А потом, когда станет спокойнее, вернёмся и похороним прах по всем правилам. Согласны?

Они согласились, потому что логика была за мной. Однако, подойдя к первому умершему, я почувствовала, как у меня дрожат руки. Стараясь не смотреть на лицо молодого парня с забавными ушами, похожими на лопухи, я коснулась пальцами шеи, надеясь нащупать пульс.

Жизнь уже давно покинула этого юношу. Кожа была холодна. Однако я проверила ещё и запястье. Было слишком тяжело признать действительность. Я не лукавила – нам троим досталась самая трудная работа.

Чтобы отвлечь помощниц, я приобняла их и велела:

– Пока работаем, вы должны придумать, куда мы пойдём. Такое место, чтобы не слишком далеко отсюда, при этом тихое, подальше от жилья и дорог. Я ничего не помню, поэтому вся надежда на вас.

Женщины задумались.

Мы переносили тела в хлев, в котором я очнулась. Раскидали по полу солому и укладывали, стараясь, чтобы нашим мёртвым было удобно лежать. Может, это и глупо, но обходиться с ними иначе я не могла. И мои помощницы тоже.

Дело шло медленно. Спешить не получалось. Сначала к нам присоединились раненые и травница. Затем дети. А потом и все остальные.

Над усадьбой воцарилась тишина. Мы работали молча. Слышался только шелест травы, скрип песка и сбившееся дыхание.

Закончили уже на закате. Женщины укладывали последние вещи и завязывали узлы. От хлева все старались держаться в стороне. Мёртвые теперь были не с нами. Они покинули нас и отправились на ту сторону. А мы всё ещё живы и будем бороться за своё будущее.

Дедушка, имя которого я не запомнила, раскладывал солому вокруг строения.

Когда на усадьбу опустились сумерки, наш скорбный караван тронулся в путь. Я оглянулась. Старичок поджёг солому. Огонь быстро перебрался на крышу и охватил весь хлев.

Глава 3

Шли медленно.

Большинство сгибалось под тяжестью вещей. Несмотря на мои попытки организовать процесс, собирались впопыхах. Похватали больше, чем пригодится. Но как бросить наживаемое долгие годы? Особенно если оно уцелело от мародёров и огня.

Один мальчишка нёс на голове большой медный таз, в который мог бы забраться целиком. Когда голова уставала, ребёнок спускал таз на плечи, горбился и изображал черепаху.

На единственную телегу уложили тяжелораненых. Остальные шли пешком, по очереди впрягаясь в оглобли или толкая сзади.

Я убедилась, что наш караван движется правильным курсом. Назначила замыкающего, велев подать сигнал, если кто-то отстанет. И вернулась в голову процессии, чтобы выяснить планы своих помощниц.

– Куда мы идём? – поинтересовалась, догнав Спиридоновну и Лукею, шедших впереди.

– Пока к старой мельнице, там сарай есть. Большой. Места всем хватит, – охотно откликнулась Агриппина.

– Далеко он?

– Коли быстро – полчаса, а как мы… – Лукея обернулась. – Ну с час точно идти будем.

Я посмотрела на небо. Сумерки быстро спускались. В темноте идти опасно, можно кого-то потерять. И огонь зажигать нельзя – нас могут увидеть.

Значит, нужно поторопиться.

– Спиридоновна, – я решила, что более эмоциональная и шумная Агриппина лучше справится с заданием, – пройдитесь вдоль наших, скажите, чтоб прибавили шагу. Мы должны дойти к мельнице до того, как совсем стемнеет. По крайней мере, постараться дойти.

– Дело говорите, барышня, – согласилась Спиридоновна и отправилась подгонять народ.

Мы с Лукеей остались вдвоём.

– Там надёжное место? У мельницы, – спросила её.

К обеим женщинам я испытывала доверие.

Когда-то давно я смотрела документальный фильм о птицах. Там говорилось, что, вылупившись из гнезда, птенец считает родителями тех, кого увидит первыми. Если дикую птицу вырастят люди, она проникнется к ним доверием и будет считать за родных.

Кажется, то же произошло и со мной. Первыми, кого я увидела в этом похожем на реальность сне, были Агриппина и Лукея. Возможно, именно потому они были мне ближе остальных. Потому я доверялась их суждениям.

– Сложно сказать, – Лукея пожала плечами. Однако в густеющих сумерках я, скорее, уловила это по интонации, чем увидела движение. – Батюшка ваш о прошлом годе велел новую построить. Поближе к усадьбе. Раньше-то на старую ещё с деревень наезжали. И наших, и соседских. Так ещё дед ваш Алексей Палыч, царствие ему небесное, распорядился. А как Лисовские земли свои продали, так и простаивала мельница. Вот батюшка ваш и решил, что незачем кататься на озеро, можно поближе мельницу устроить.

– Почему усадьба называется Васильевское? – мне хотелось немного отвлечься от ситуации.

Наезженная дорога превратилась в широкую тропу. По обеим сторонам густо росли деревья. Не скажу, что это был лес, но ночь здесь казалась гораздо ближе.

– Её прапрадед ваш построил, Василий Палыч. Больно себя он любил, бабка моя сказывала, – в голосе Лукеи послышалась усмешка. – Всё живописцев из столицы выписывал, чтоб, значит, портреты его рисовали. Целый коридор портретами теми завешан был. А меж ими – зеркала, чтоб на себя смотреть и сравнивать.

Я тоже усмехнулась и на краткую долю мгновения даже забыла о том, где мы и что происходит. Поэтому продолжила разговор.

– Это правда?

– Да кто ж то знает, – Лукея пожала плечами. – Бабка моя – знатная сказочница была. Как сядет ввечеру шерсть сучить, так вся детвора сбегалась небылицы послушать. Много всего она сказывала. И о духах лесных, и о русалках, что в мельничном озере водятся. Сейчас-то думаю – пугала, чтоб без пригляду мы не совались.

– И как? Получалось у неё?

– О-о, – протянула Лукея, рассмеявшись. – Получалось ещё как. Наоборот только. Мы тогда три ночи на озеро бегали караулить. Чтоб, значит, русалок не прозевать.

Мы обе рассмеялись.

И вдруг сквозь смех послышался тоненький голосок. Нет, не голосок – плач. В лесу плакал ребёнок.

– Накликала! – перепугано ахнула догнавшая нас Спиридоновна и начала размашисто креститься, приговаривая с одышкой: – Господи Иисусе Христе, сыне Божий, Царица небесная, спаси и сохрани мя…

– Тише! – я перебила её причитания.

Звуков в тёмном лесу и так было предостаточно. За спиной скрипели колёса телеги, постанывали раненые, негромко переговаривались люди.

А впереди тоненько плакал напуганный ребёнок.

– Барышня, Катерина Павловна, не губите! Дух лесной это. Мавка! Не след с ней встречаться. Назад идти надо, пока не завела нас в трясину болотную да не погубила всех! – высокий голос Агриппины обрёл панические нотки.

Казалось, ещё чуть-чуть, и она сорвётся с места, умчится назад в сгоревшее Васильевское. Или, что вероятнее, заблудится в ночном лесу.

– Стойте! – скомандовала я.

«Голова» процессии остановилась сразу, а «хвост» ещё подтягивался, пока все не сбились в плотную массу ничего не понимающих, перепуганных людей.

– Вы их напугали, вам их и успокаивать! – сказала я Спиридоновне.

Однако женщина и сама была близка к панике. Она застыла изваянием посреди дороги и мелко тряслась. Даже в полутьме леса я слышала, как клацают её зубы.

– Лукея, пожалуйста, успокойте Спиридоновну и остальных. Сообщите, что стоянка на пару минут, пусть передохнут, но не расслабляются. Я только ребёнка отыщу и вернусь.

Отдав распоряжение, я двинулась вперёд.

– Барышня, куда вы?! Не ходите! Сгинете! – надрывно выкрикнула мне вслед Спиридоновна.

– Не каркай! – привычно огрызнулась на неё Лукея.

У меня за спиной завязалась негромкая перепалка. Ругаться в полный голос они не решались – вдруг услышит лесной дух, но и молчать не выходило.

Я постаралась не слушать то, что происходило позади. Чем дальше я удалялась от людей, тем явственнее становился плач. Спустя десяток шагов посреди дороги я разглядела светлое пятно. А подойдя ближе, увидела, что это девочка лет пяти в белой рубахе до пят.

Я подошла к ней. Присела, чтобы сравняться в росте и не пугать ещё больше, нависая над ней.

– Привет, меня зовут… – пауза вышла неловкой, но мне было сложно сходу назваться чужим именем. Впрочем, если я назовусь Настей, а потом ко мне станут обращаться Катерина Паловна, это будет ещё более неловко. – Меня зовут Катерина. Можно Катя. А тебя?

Девочка подняла голову и посмотрела на меня. Черт её лица было не разобрать. Только бледный овал, который то и дело закрывали пряди длинных распущенных волос.

– Ты потерялась? Где твои папа и мама?

Девочка по-прежнему молчала. Но плакать перестала, и я сочла это прогрессом.

– Малышка, – не зная имени, я решила пока называть её так, – в лесу холодно и страшно. А мы идём к старой мельнице. Там мы разожжём костёр и приготовим горячую еду. Пойдём с нами?

Я была готова, что девочка снова не отреагирует, и думала, как забрать её отсюда, чтобы не испугать ребёнка. Если у неё начнётся истерика, это не слишком позитивно скажется на настрое моих людей. Мы все с трудом держимся на ногах. Ещё одно испытание может оказаться нам не по плечу. Но и оставить малявку тут я не могу.

И вдруг она протянула свою маленькую ладошку и взяла меня за руку, обхватив указательный палец.

– Хорошо, малышка, – я улыбнулась, чувствуя, как к горлу подступают слёзы от этого простого и доверчивого жеста. – Пойдём, скажем остальным, что ты теперь с нами.

Нас встретило напряжённое молчание. Спиридоновна неистово крестилась, шепча молитвы. Несколько женщин за её спиной тоже осеняли себя крестами.

– Это маленькая девочка, – сообщила я очевидное, правда не для всех. – Она потерялась и заблудилась. Возможно, она из соседней деревни, на которую так же напали французские солдаты. Мы не знаем, что стало с её семьёй. Поэтому она побудет с нами, пока не найдутся родители или другие родственники. Надеюсь на ваше благоразумие.

Последнее я говорила, глядя на Агриппину. Однако уже стемнело настолько, что лиц почти не было видно. Вряд ли она поняла. По крайней мере, бормотание не прекратилось.

– Лукея, как зовут старичка, который поджёг хлев? – у него было простое имя, но оно не отложилось в памяти.

– Евсей, – подсказала моя помощница.

– Хорошо, – я кивнула и повысила голос: – Спиридоновна! Сходите к Евсею, скажите, чтоб запалил факелы. Я видела, что он много сделал.

– Разумно ли это, Катерина Паловна? А ну как хранцузы завидят?

– Будем надеяться, что поблизости их нет. Нам нужен огонь, без него мы можем не добраться до мельницы.

Лукея не ответила. И я поняла, что уже не вижу даже её очертаний. Ночь окончательно накрыла лес чёрным непроницаемым покрывалом. Лишь у нас над головами сверкали маленькие и далёкие искорки множества звёзд.

– Пошла я, барышня, – поспешно сообщила Спиридоновна и, толкнув кого-то, исчезла в темноте.

– Вы уверены, что это благоразумно? – спросила Лукея, наверняка имея в виду малышку.

– А что вы предлагаете? Бросить ребёнка ночью в лесу на произвол судьбы?

Я почувствовала, как маленькие пальчики резко сжали мой указательный. Пусть девочка и не говорила, но она слышала и понимала. И боялась снова остаться одна.

Я снова присела перед ней, теперь уже, зная, что она не испугается моего прикосновения, взяла её за плечи.

– Я тебя не брошу! – произнесла со всей серьёзностью. – Обещаю! Всё будет хорошо.

Девочка промолчала. Однако слова не были нужны. Когда я поднялась, она прижалась ко мне, обхватив теперь уже за ногу.

Вскоре нам принесли факел. При его неровном свете я смогла немного рассмотреть малышку. У неё оказалось прелестное личико красивой формы сердечком. Огромные распахнутые глаза, кажется, голубые. И светлые, слегка вьющиеся волосы ниже лопаток.

Она была похожа на маленькую Белоснежку в тот миг, когда та сбежала от злобной королевы. Или та сбежала уже взрослой?

Сказки я давно не читала, поэтому подробности стёрлись из памяти. В любом случае малышка была прелестна. И не похожа на крестьянских детей, с которыми я провела несколько часов.

Впрочем, света факела недоставало, чтобы делать какие-то выводы.

Спиридоновна возвращаться ко мне отказалась наотрез, рассказывая каждому, кто был готов слушать, что мой разум пленил лесной дух. Эти новости вместе с факелом принёс Евсей.

Думаю, ему было интересно взглянуть на мавку.

Зато малышке становилось не по себе от любопытных взглядов.

– Евсей, вы знаете дорогу к мельнице?

– Знаю, барышня, как не знать, – откликнулся он.

– Тогда идите впереди и освещайте путь остальным, – велела я.

Старик поклонился и двинулся вперёд по тропе. А мы пошли за ним. Снова малышка обхватила мой палец своей ручонкой и семенила рядом, стараясь не отставать.

За спиной слышался недовольный ропот, предводительствуемый Спиридоновной. Однако догнать меня и открыто выступить никто не решался.

Поэтому процессия продолжала путь. Вскоре ропот стих, сменившись уже привычными звуками. Скрипом тележных колёс. Пением цикад. И тяжёлым дыханием уставших людей.

К счастью, дорога оказалась не так уж длинна. Просто мы шли слишком медленно. Но вскоре стена леса оборвалась, и впереди показалось большое озеро, в тихой поверхности которого отражались мириады звёзд. Рядом виднелся силуэт старой мельницы.

Я выдохнула с облегчением. Наконец-то добрались.

Глава 4

Люди тоже обрадовались. День был тяжёлым, долгим и полным испытаний. Большинство держалось только лишь на том, что нужно достичь безопасного места. Теперь, когда оно достигнуто, силы оставляли и накатывала безысходность.

Мне снова пришлось браться за организацию.

Телегу поставить вплотную к стене мельницы. Раненых, у которых начался жар, оставить на ночь на свежем воздухе. Здесь прохладнее, а на телеге до них не доберутся мелкие хищники. Будем надеяться, крупные тут не водятся.

Лёгких – разместить в сарае. Там действительно оказалось просторно. Пахло пылью и сыростью. К стене были пристроены большие полки для мешков с мукой. Если дерево не прогнило, выйдут отличные лежанки.

Евсея я отправила разводить костёр. Он уже ассоциировался у меня с пламенем.

– Старик-огневик, – хмыкнула ему вслед.

Кто-то из детей повторил. Прозвище разнеслось по лагерю. И неожиданно прижилось. Люди искали мельчайший повод, чтобы улыбнуться.

Серьёзную, рассудительную Лукею я назначила своей заместительницей. Хотела и Спиридоновну, но выходка с мавкой заставила передумать. Агриппина оказалась чересчур эмоциональной и подверженной предрассудкам. Я не могла ей всецело доверять.

Спиридоновна обиделась на моё решение. В сердцах швырнула ветку, которую собиралась положить в костёр, и ушла в сарай. Кажется, я начинаю терять авторитет. Похоже, настоящая Катерина Павловна вела себя иначе.

– Пусть идёт, – Лукея заметила, как я провожаю Агриппину задумчивым взглядом. – Она всегда такой была: чих-пых и убежала. Потом одумается. Нам всем сейчас нелегко.

Лукея права. Легко сейчас не было.

Разместив раненых и сложив вещи в сарай, люди постепенно разошлись, так и не дождавшись ужина.

– К утру как раз настоится, – сказала Верея и, зевнув, перекрестив рот. А затем ушла спать.

У костра мы остались вчетвером. Сидевший на вросшем в землю бревне Евсей дремал, слегка присвистывая на выдохе. Лукея помешивала пустую кашу.

Соли у нас не было. Мяса тоже. Собранное зерно сгорело, значит, и хлеба не будет. Оставалась небольшая надежда, что огород уцелел, и на днях мы устроим вылазку в Васильевское. А ещё – погреб, правда, где ключ от него, знала только Катерина Павловна. То есть не знал никто.

Но обо всём этом я подумаю завтра. Сейчас мне больше всего хотелось смыть пот и кровь с усталого тела.

– Лукея, – отвлекла её от невесёлых дум, – я хочу искупаться. Где озеро помельче?

– В само озеро ночью не лезьте, барышня. Не ровён час потонете, до утра доставать некому будет, – откликнулась помощница и вдруг замерла. – Прощения просим, барышня, – заговорила она совсем другим испуганным тоном. – Не серчайте. Хотела я сказать, опасно ночью купаться.

– Всё в порядке, Лукея, я не сержусь, – меня удивила реакция женщины.

Да, её тон был не слишком уважительным, но она устала и забылась. Спиридоновна забылась сильнее, однако я не собиралась сердиться.

Мне понадобилось с полминуты, чтобы понять, что больше всех забылась здесь я. В тысяча восемьсот двенадцатом году с крепостными не было принято уважительно разговари-

вать, да и вообще церемониться. А я весь день вела себя с ними, как с равными. Даже обращалась на «вы».

Конечно, у меня есть оправдание – меня порубали хранцузы, и я ещё не оправилась. Однако следует изменить своё поведение. Может быть, проявлять больше твёрдости. Или капризничать. Или ещё что.

Сейчас я слишком устала, чтобы придумывать. Мне хотелось вымыться, поесть несолёной каши и лечь спать. Этот сон становился всё больше похожим на явь. И у меня оставалась последняя надежда: уснуть – и проснуться утром в своей кровати, своём теле и своей жизни. А ещё в своём времени, которое, хоть и не было лишено жестокости, нравилось мне гораздо больше.

– Посидишь с дедушкой Евсеем и бабушкой Лукеей у костра? – спросила малышку, не отходившую от меня ни на шаг.

Не хотелось тащить ребёнка с собой. Там темно и страшно. К тому же малявка клевала носом. Тайком зевала и тёрла глаза кулачком.

Остальные дети давно уже спали. Забрались проверить «полати», как они назвали полки, там и уснули. Малышка отказалась ложиться в сарае с остальными. Она вообще не отпускала подол моего платья, если мне приходилось забирать у неё руку.

И на предложение остаться у костра отреагировала ожидаемо. Закачала головой, глядя на меня перепуганными глазами, и крепче вцепилась в ткань.

– Хорошо, – согласилась я. А что оставалось, если подождать с людьми у костра для неё страшнее, чем идти со мной на берег тёмного озера?

– Погодите, Катерина Паловна, лампу вам запалю. Не след без огня ходить, – остановила меня Лукея и, положив черпак на крышку котла, отправилась на поиски фонаря.

Я хотела взять один из факелов, заготовленных Евсеем. Но, пожалуй, с лампой будет удобнее.

Лукея скоро вернулась. Её освещал жёлтый круг масляного фонаря на тонкой изогнутой ручке. Вручив его мне вместе с широкой холстиной, женщина вернулась к каше, которая сейчас не была нужна никому, кроме неё.

Наверное, и мне стоило лечь спать, а не тащить ребёнка на озеро, где сама я прежде не была. Однако слишком хотелось смыть с себя кровь. Казалось, она впиталась в саму кожу. А ещё запах, он преследовал меня всюду, и я почти переставала его замечать. Но стоило забыться на мгновение и сделать глубокий вдох, как запах крови забивал ноздри, поселялся на нёбе, наполнял слюну и проникал внутрь, заставляя меня дышать поверхностно и исключительно носом. И вкус крови не мог смыть даже целый ковш воды.

Поэтому в одну руку я взяла дужку фонаря, другой – сжала ладошку девочки и двинулась к мельничному колесу.

Глава 5

Едва мы отошли от костра, нас окружила ночь. Будто с головой накрылись тёмным покрывалом.

Звуки стали ярче и отчётливее. Поскрипывание фонаря. Крик ночной птицы. Шелест травы под ногами.

Люди словно исчезли, растворились в непроницаемой тьме. Лишь запах костра напоминал, что мы с малышкой не одни в этом мире. Она доверчиво шла рядом, крепко держась за мою руку.

Мельница выделялась на фоне звёздного неба особой непроницаемой чернотой. Будто чёрная дыра в виде здания с покатой крышей и огромным колесом сбоку. Я двигалась на этот ориентир, светя под ноги, чтобы девочка не запнулась о густую траву.

Берег зарос рогозом и камышом. Далеко по окрестностям разносилось кваканье лягушек, радующихся хорошей погоде. А может, обилию комаров, которые явно уродились этим летом. Мне то и дело приходилось сдувать их с лица, поскольку обе руки были заняты.

Наконец мы добрались до колеса. Для него была вырыта протока. Постоянное движение воды вымыло рядом небольшой пруд. Он тоже зарос, но меня это даже порадовало – вода чище будет.

Я подняла фонарь повыше и осветила колесо. Оно намертво вросло в забитую илом протоку. Нижние лопасти покрывало нечто, похожее на мох или плесень. А верхние – пыль и паутина.

Я поставила лампу, которая залила берег пруда желтоватым светом, делая его сказочным.

– Малышка, – я склонилась к девочке. – У меня для тебя важное и ответственное задание. Мне нужно, чтобы ты подержала мою одежду, пока я купаюсь. И отгоняла от меня лягушек. Справишься?

Несколько секунд она смотрела на меня. На её лице отражались страх и сомнение.

– Я буду рядом, вот прямо здесь, – я указала на берег пруда. – Но мне нужно вымыться. Обещаю, что сразу после опять стану держать тебя за руку. Хорошо?

Она неуверенно кивнула. Однако свою ладонь мне пришлось вытаскивать из её захвата. Я сунула в её пальчики чистую холстину и заметила, как малявка судорожно сжала ткань.

Что же с тобой случилось, детка? Я ведь не твоя мама. Просто первый человек, который встретился тебе в тёмном лесу. Почему ты хватаешься за меня, словно я твоё единственное спасение?

– О-о, спасибо за помощь! Я уже не знала, куда деть это полотенце. Как хорошо, что у меня есть ты, – преувеличенно восхитилась я.

Однако девочка поверила. И даже перехватила холстину так, чтобы её край не стелился по траве. На траву немедленно опустился другой край, но это было неважно. Главное, она осознала, что выполняет важное и полезное дело.

Я выдохнула и уже обеими руками принялась за платье. К счастью, оно оказалось домашним. То есть было похоже на халат, но с большим запасом ткани, которая оборачивалась вокруг тела. А в небольшие петли продевался пояс, удерживая всю конструкцию.

Если бы это было платье для выхода с рядом крючков или пуговиц на спине, снять его самостоятельно я бы не сумела. А о корсете вообще страшно подумать. Наверное, будь я в него засунута, не пережила бы сегодняшний день.

Хотела бросить платье в воду у берега, чтобы размочить засохшую кровь. Но девочка протянула за ним руку. Пришлось отдать, я же просила её о помощи. Потом постираю.

Сорочку снимать не стала. Так и ступила в воду. Прохлада окутала уставшие ноги, оказавшись даже приятной. Сделав несколько осторожных шагов, убедилась, что глубина доходит лишь до колена, и присела.

Холод выбил дух из утомлённого тела. Адреналин подскочил до невероятных высот. Я вылетела из воды, резко выдохнув и ошалело уставившись на малявку.

До моего слуха донёсся странный звук. Мне понадобилось время, чтобы понять – девочка смеётся. Это было до того замечательно, что я могла обсыпаться льдом, лишь бы это мгновение длилось подольше.

Чудесный смех. Просто невероятно чудесный смех.

Я и сама улыбнулась.

– Тебе смешно, да? А если я тебя схвачу и тоже искупаю в холодной водичке?

Малявка покачала головой и сделала шаг назад. Смеяться она перестала. Однако затравленное выражение ушло с её лица. И это было уже немало.

Я стянула мокрую сорочку, бросила в воду и как следует потопталась по ней, изображая пантомимы. Вряд ли она поняла, что именно я пытаюсь показать, но смотрела с любопытством, хотя больше и не смеялась.

– Ты точно не хочешь искупаться? Водичка волшебная, – я соединила подушечки пальцев и изобразила поцелуй. – Холоднющая, как жаба.

Малявка снова покачала головой.

– Хорошо тебе, а я грязная, мне нужно вымыться, – я демонстративно вздохнула.

Оставив в покое сорочку, сорвала пучок травы и начала тереть кожу. Особенно шею, плечо и грудь, куда натекла кровь из раны на лице. Пришлось зайти чуть глубже, чтобы промыть волосы. Устав наклоняться вперёд, я набрала воздуха и присела, полностью скрывшись под водой.

С полминуты, пока хватало дыхания, тёрла кожу головы и волосы, смывая с них кровь и пыль. А затем встала, набрать ещё воздуха.

Поднимаясь, я услышала протяжный скрип. Следом за ним испуганный вскрик и тонкий детский голосок, который спросил:

– *Qui est là?*[1]

Девочка тут же обернулась ко мне. Глядела на меня огромными напуганными глазищами, пытаясь понять – слышала я или нет. Это был французский. Я не сильна в произношении. Однако то, что, перепугавшись, она заговорила не по-русски, многое объясняло.

– Ты француженка? – спросила я.

Малявка уронила вещи и, скрыв лицо в ладонях, расплакалась.

– Всё хорошо, маленькая, не плачь, я тебя не обижу, – выбралась из воды и, опустившись на колени, обняла её.

Она доверчиво уткнулась мне в грудь и заплакала. Слёз накопилось немало. Они всё лились и лились, а я аккуратно поглаживала ребёнка по волосам, тихонько напевая. Это помогло. Через несколько минут она начала всхлипывать и шмыгать носом.

Я подняла с травы упавшие вещи и подставила малышке.

– Нужно высморкаться. Умеешь?

Она удивлённо посмотрела на меня, а затем кивнула.

– Тогда покажи.

И лишь когда девочка это сделала, я поняла, почему она удивилась. В качестве носового платка я предложила ей подол своего платья. Хорошо хоть там не было крови.

Лёгкий ночной ветерок ласкал обнажённую кожу, гоняя по ней волны мурашек. Я отыскала в траве холстину и обернула вокруг тела. Не скажу, что стало намного теплее, но надеть

[1] - *Кто там?*

обратно платье я не могла. Попрошу у Лукеи что-нибудь накинуть. Или в одеяло завернусь, пока одежду не выстираю.

Сорочка бледной утопленницей плавала посреди пруда. Мысль, что придётся за ней лезть, не слишком грела. Однако в моём положении не стоит разбрасываться одеждой. Тем более уже выстиранной.

– Как тебя зовут? – спросила я малявку. Раз она может говорить, пусть и по-французски, значит, может назвать своё имя.

– Мари, – тихо ответила она, снова замыкаясь в себе.

– Мари, – протянула я. – Мария. Красиво. Можно я буду звать тебя Машенька? Это имя девочки из одной сказки, я обязательно тебе её расскажу. Договорились?

Малышка кивнула. Я слегка схитрила, спрятав первый вопрос за вторым. Но сейчас не время использовать иностранное имя. Не после того как французские солдаты наведались в Васильевское, уничтожая всё и вся на своём пути.

А с девочкой сначала нужно разобраться. Возможно, она дочь какого-нибудь князя или графа. В начале девятнадцатого века русская аристократия говорила на французском языке. По крайней мере, высшая знать.

Провинциальные дворяне в основном использовали «смесь французского с нижегородским», как метко выразился Александр Сергеевич, который Грибоедов. А мы – на Смоленщине. Откуда здесь могла взяться маленькая девочка, говорящая по-французски – тот ещё вопрос.

В общем, малышке лучше и полезнее побыть пока Машей. Или даже Марусей.

– Постой тут ещё немного, я выловлю свою сорочку, ладно?

Она снова кивнула, подбирая с земли моё платье и прижимая к себе. Я вздохнула. Надеюсь, этот кошмар скоро закончится. Хочу проснуться дома, в своей кровати, а не вот это вот всё.

Скрывать крестьян от французов. Скрывать девочку от крестьян. Надеюсь, моё подсознание больше не подкинет мне неожиданностей. Можно уже перейти к другой фазе? Без постоянного страха за чьи-нибудь жизни.

Бурча про себя, я задрала холстину повыше, чтобы не замочить, и побрела на середину пруда. Вода больше не казалась приятно прохладной. Она была неприятно холодной. Мне хотелось скорее отсюда выбраться и согреться у костра.

Едва я ухватила сорочку, как со стороны мельницы раздался скрип дерева. Последовательный, будто кто-то шёл по рассохшимся доскам.

Маруся тоненько вскрикнула и обернулась ко мне.

За мельницей что-то грохнуло. То ли сорвался кусок черепицы. То ли кто-то споткнулся.

Малявка попятилась. Мне показалось, она собирается бежать.

– Стой там! – велела я громким шёпотом. – Жди меня!

А сама, взбивая волны, помчалась к ней. Так быстро, насколько могла. Возможно, это Лукея или Евсей пошли нас искать. Если Мари заговорит, все узнают её секрет. И я не могу спрогнозировать, как поступят мои крестьяне. Испуганный голос Спиридоновны, предупреждавший, что в лесу меня поджидает мавка, всё ещё стоял в ушах.

– Машуня, – я присела перед ней и зашептала. – Только ни с кем не разговаривай, хорошо? Даже со мной. Ты правильно делала, что молчала всё это время. Никто не должен знать. Продолжай молчать, ладно?

Кажется, я напугала её ещё сильнее. Но у меня не было выбора. Как иначе донести до неё опасность?

Я наскоро отжала сорочку и натянула на себя прямо поверх холстины. А затем надела платье. Всё сразу промокло. Было холодно и неприятно. Однако встречать незваного гостя полуголой я не собиралась.

Одной рукой схватила фонарь, другой – стиснула ладошку Мари. Двинулась вдоль мельницы, собираясь посмотреть, кто тут ходит среди ночи.

Когда мы добрались до места, где была примята трава и просматривалась тропинка, протоптанная нами, Маша потянула меня к лагерю.

– Хочу посмотреть, кто прячется за мельницей, – прошептала я. – Ты можешь подождать здесь. Или пойти к костру. Там бабушка Лукея сварила кашу.

Огонь озарял поляну перед сараем и был хорошо виден отсюда. Не заблудишься.

Мари замотала головой. Оставлять меня она не собиралась.

– Тогда идём.

Мы проделали с полсотни шагов, дойдя до угла мельницы. Я остановилась. Обернулась к малявке, приложив палец ко рту. А затем резко выглянула из-за угла, выставив перед собой фонарь.

Мне открылось душераздирающее зрелище – лисица, держащая в пасти обвисшую тушку дикой утки. Услышав движение, хищница бросилась наутёк. Однако добычу не выпустила.

От облегчения я рассмеялась.

– Это лиса, Маруся, представляешь? Обычная лиса. Она ходила по скрипучим сходням, а потом поймала утку. Больше здесь никого нет.

А я от испуга напялила на себя мокрую одежду. И теперь дрожу от холода и пережитого страха.

– Пойдём к костру. Нам с тобой нужно поесть и ложиться спать.

Глава 6

Лукея всплеснула руками, завидев меня в мокром платье, по которому стекали ручейки с растрёпанных волос.

– Барышня, миленькая, что ж вы мокрая по холоду бегаете? Так и знала, что надо с вами идти.

Она сокрушалась, одновременно разворачивая одеяло и накидывая мне на плечи.

– Погодите маленько, сейчас сухое вам разыщу.

Я потянула Мари на бревно и укрыла краем одеяла. От костра шло тепло, сильно клонило в сон. Чтобы не уснуть, я поднялась, обернув малявку одеялом. Она вскинулась, даже во сне почувствовав, что осталась одна.

– Я никуда не уйду. Хочу кашки нам положить. Сиди, грейся.

Маруся послушалась, но продолжала следить за мной соловеющим взглядом. Бедняга. Ей давно спать пора, а я таскаю малышку за собой.

Котёл стоял у костра, на прогретой огнём земле. Мои босые ноги радостно впитывали тепло. И отправляли вверх по телу сонмы мурашек, напоминая, что пора переодеться в сухое.

Я сняла крышку. В нос ударил запах горячей каши. Желудок тут же отозвался жалобным урчанием. Наполнив две глиняных миски, оставленных у костра, я вернулась к малявке.

– Машенька, – позвала тихонько. Ребёнок так сидя и уснул, завернувшись в тёплое одеяло и нахохлившись, как воробышек на ветке. – Ты кушать будешь?

– *Oui*[2], – не открывая глаз, ответила она.

Я заледенела, но теперь уже не от холода – от страха. И прислушалась. Дыхание Евсея оставалось ровным, с тем же похрапыванием на выдохе. Трава шелестела в такт дуновениям ветра. Сверчки притихли, но они смолкли, ещё когда мы с Машей пришли.

Кажется, никто не слышал, как она проговорилась.

Я обернулась, проводя внимательным взглядом по границе отбрасываемого костром света. Ни движения, ни звука, ничего, что указывало бы на постороннее присутствие.

Кажется, никто не слышал.

Лишь убедившись, что всё в порядке, я перевела дух. Поставила на землю порцию Мари и принялась за свою. Будить девочку я передумала. Пусть проснётся, тогда и поест. В груди ещё не растаял ледяной ком от страха разоблачения.

Каша оказалась не просто пресной, а практически несъедобной. Раньше я не думала, что соль настолько важна, и без неё получится гадость. Однако выбора у меня не было, как и другой еды. Пришлось есть, что есть.

От сарая спешила Лукея с охапкой вещей.

– Уф, – она скинула одежду на траву и, отдуваясь, принялась разбирать. – Не обессудьте, Катерина Паловна, темень такая, хоть глаз выколи, уж что отыскала.

Она начала выбирать и разворачивать одежду. Сорочку из грубой ткани, юбку и блузу необъятных размеров – для меня. И штанишки с рубашонкой – для Мари.

– По видному ещё раз схожу, – пообещала Лукея. – Ваша-то одёжа есть точно. Видела, как девки с верёвок сымали. Ночь только переспите.

– Спасибо, Лукея, за вашу помощь и заботу, – я забрала вещи и скользнула за границу света, пользуясь тем, что малышка спит.

Быстро переоделась, радуясь ощущению сухости и приходящему с ним теплу. В другое время, может, и посмеялась бы непомерно большой одежде, но сейчас для меня имело значение лишь то, что ночевать я буду с большим комфортом, чем могла бы.

---

[2] – *Да.*

Когда вернулась, Мари по-прежнему спала. Только сползла с бревна на землю.

– Умаялась бедолага, – вздохнула Лукея, проследив за моим взглядом, обращённым к малышке. – И кто ж такую кроху посреди леса-то бросил?

Я промолчала. Делиться своими догадками не собиралась даже с Лукеей, которой доверяла больше остальных. Меньше знает – крепче спит. К тому же я знакома с этой женщиной лишь один день и не могу предсказать её реакцию на происхождение девочки.

– Давайте сюда, с утречка простирну, чтоб было вам, во что переодеться. – Лукея забрала у меня мокрую одежду и указала на расстеленное недалеко от костра одеяло. – И ложитесь-ка вы уже спать, Катерина Паловна, едва на ногах держитесь.

– Спасибо, Лукея, – повторила я в который раз.

Может, для неё забота о своей барышне и была привычной обязанностью, но у меня она вызывала тепло в груди. Обо мне уже давно никто не заботился.

Проснулась я от пронзительного визга, раздавшегося над самым ухом. Откатилась в сторону, ещё не успев открыть глаза, и вскочила на ноги.

Что? Кто? Снова нападение? Мысли проносились в голове, пока я, часто моргая, осматривалась и пыталась сообразить, что происходит.

Вроде всё спокойно. У костра сидят люди с застывшими у ртов ложками. Те, кто подальше, непонимающе смотрят. На меня и Мари, которая стоит на коленях за пределами одеяла. В глазах у неё слёзы, лицо искажено ужасом.

И глядит она прямо на меня.

– Что… – едва начав задавать вопрос, я опомнилась и замолкла. Если спрошу, она ведь ответит. При всех. И кто знает, к чему это приведёт.

Улыбнулась и, обращаясь ко всем, произнесла:

– Доброе утро. Девочке кошмар приснился, вот и кричит во сне.

На лицах проступило понимание. Я заметила, что люди кивают, соглашаясь с моими доводами, и возвращаются к своим делам. Мы с малявкой очень скоро перестали быть центром внимания.

Только Спиридоновна не отводила от Мари взгляда, хмурясь и шепча что-то про себя. Я сделала себе мысленную заметку поговорить с женщиной. Нужно её успокоить, чтобы не нервничала сама и других не настраивала против ребёнка.

А пока улыбнулась малышке.

– Доброе утро. Что-то я разоспалась после вчерашнего.

Однако реагировала она странно. Смотрела по-прежнему испуганно. Ещё и слёзы снова выступили и потекли по щекам. Во взгляде застыл ужас. И тут до меня дошло, куда она смотрит.

На моё лицо.

Точнее на багровый рубец, пересекающий левую щёку. Я о нём почти забыла, привыкнув к тянущему ощущению. Зеркал, которые напоминали бы об увечье, не сохранилось. Да и не до того вчера было ни мне, ни моим людям. Мы спасали свои жизни.

А Мари видела меня только в темноте или при свете фонаря. Зато утром её ошеломило безобразное уродство моего лица.

У маленьких детей всё просто. Красивый – хороший и добрый, уродливый – злой. Для натерпевшейся малявки мой внешний вид стал потрясением. Она ведь мне доверилась.

Я тоже испугалась. Того, что она сейчас заговорит и выдаст себя.

– Малышка, Машенька, не бойся, это я, – старалась говорить спокойным, ласковым голосом, каким обратилась бы к бездомному щенку или котёнку, напуганному и готовому защищаться. – Со мной случилось несчастье. На мою усадьбу напали нехорошие люди. Они ранили меня и многих других. Посмотри.

Я указала на телегу, где на ночь оставили самых тяжёлых. Сейчас там лежали лишь двое, почти не подавая признаков жизни. Остальные поднялись к завтраку. Я заскользила по ним взглядом, стараясь отыскать следы травм.

– Вот, смотри, у тёти болит ручка, – кивнула на крестьянку с перевязанным запястьем.

Маша повернула голову. Женщина неловко придерживала миску больной правой рукой, держать ложку ей приходилось левой.

– Это заживёт. Мне уже почти не больно, – я коснулась рубца подушечками пальцев. – И я снова стану красивой. Обещаю. Иди ко мне.

Я протянула руки. Малышка замерла, раздумывая, что делать, а затем решилась и поднялась. Я тоже пошла ей навстречу, схватила, прижала и держала так долго-долго, шепча на ухо:

– Всё будет хорошо, маленькая. У нас с тобой всё будет хорошо.

– Доброго утречка, Катерина Паловна, – прервала наши объятья Лукея. – Вот, привела вам новую горничную вместо Нюрки, царствие ей небесное.

Я отпустила Мари и обернулась. Рядом с Лукеей стояла Василиса. Младенца с ней не было, наверное, за ним приглядывала вторая женщина. Я забыла её имя.

– Горничную?

Среди импровизированного лагеря это слово прозвучало странно. После ночёвки в старом мельничном сарае или вовсе на земле, несолёной каши и мытья в озере?

– Не хотите Ваську? – Лукея поняла это по-своему. – Назначьте другую.

А ведь она права – у барышни должна быть горничная. Если откажусь, то сама буду выглядеть странно.

– Пусть будет Васька, – согласилась я, размышляя про себя, какие задачи поручают горничным. Вроде они должны заниматься одеждой и волосами?

Услышав моё согласие, Василиса просияла. И тут же бросилась собирать одеяла, служившие нам с Мари постелью.

– Вася, найди, пожалуйста, мою одежду. Лукея говорит, что она точно сохранилась. А ещё помоги Маше переодеться, – я кивнула на девочку, а потом обратилась к ней: – Ты не будешь против, чтобы Василиса помогла тебе?

Малявка обхватила меня и вжалась лицом в юбку.

– Ладно, я сама.

Переодевалась Мари в камышах у озера. Ещё мы там умывались, распугивая лягушек, и заплетали друг другу косы. Мальчишеская одежда смотрелась на Марусе на удивление гармонично. Если бы не длинные волосы, она легко сошла б за сорванца.

Когда мы вернулись к костру, там уже никого не было. Люди собрались вокруг Лукеи, которая стояла у сарая и активно жестикулировала, раздавая задания. Она права – всех нужно занять делом, тогда не до горя будет. К тому же крепостные привыкли к работе, их скорее удивит бездействие, когда барышня сама возится с ребёнком и накладывает себе еду.

На завтрак для меня нашёлся хлеб и несколько ломтей ветчины. Не знаю, Василиса ли поскребла по сусекам или Лукея, от особого отношения я отказываться не стала. К тому же рядом голодными глазами смотрела Мари, оставшаяся накануне без ужина.

Ветчина была вкусной. Я показала малявке, открытие кота Матроскина, который утверждал, что бутерброд нужно есть колбасой вниз. Маруся оценила и тут же применила на практике.

Однако мысль, что остальные ели пресную кашу, не давала мне покоя.

Я всё понимала. Они крепостные, собственность господина, и не знают другой жизни. Для них, наоборот, естественно, что барышня питается лучше. Вот только я не была их барышней. Я – человек двадцать первого века, для меня все люди одинаково значимы. Они не должны давиться одной кашей без соли.

Нам нужно больше еды.

Если я правильно помню историю наполеоновского нашествия, то сейчас должен стоять август. Судя по жёсткой траве и припылённой листве на деревьях, я не ошибаюсь.

В августе ведь большая часть овощей и фруктов уже созрела? Я жила в крупном городе, где в супермаркете круглый год можно купить самые экзотические продукты. А если лень идти, вообще заказать доставку, нажав пару кнопок на телефоне. Поэтому знания об огородных работах у меня были поверхностные.

Я больше исходила из логики.

И логика мне подсказывала, что огород в Васильевском мог уцелеть. Вчера мы спешили убраться подальше. Нам было не до сбора урожая.

Но, если вернуться и осторожно пройтись по грядкам, можно весьма разнообразить наше меню.

Я дождалась возвращения Лукеи и поделилась своим планом.

– У вас всегда был ясный ум, Катерина Паловна, – похвалила она. – Сейчас отправлю девок репы накопать, да паданки собрать. Может, и ещё чего отыщут.

– Я сама пойду. Нам соль нужна. А вы со Спиридоновной говорили, что только я знаю, где ключ от погреба.

– Барышня, дак вы ж не помните ничего! Как откроете? – Лукея вздохнула. Затем её лицо озарила догадка: – Или вернулась память?

– Не вернулась, – расстроила я её. – Но, может, на месте вспомню. Поэтому я должна идти. И с собой ещё пару человек возьму, продукты нести. Если найдём…

Мысль, что в Васильевском могло ничего не остаться, я гнала. Нужно оставаться оптимисткой, им жить проще.

– Лукея, позовите ко мне Евсея и детей, – я глянула на Мари и уточнила: – Тех, что старше пяти лет. У меня для них есть особое задание.

Рассуждала я просто: мясо в огороде не растёт, а нам оно нужно. Усадебный скот разбежался или погиб под пулями мародёров. Оставшиеся две курицы выглядели жалко. Значит, придётся добывать.

Когда Евсей и старшие ребята собрались у костра, я озвучила свой вопрос.

– Кто умеет охотиться?

Те или иные навыки охоты оказались у всех. Кто-то ловил лягушек в пруду, кто-то карасей в речке. Ещё ставили ловушки на мышей в подполе, если коты не справлялись.

Перечисленная дичь меня не слишком прельстила, хотелось чего-то более традиционного.

– А если утку или гуся? Вчера лиса на озере удачно поохотилась, – я смотрела на Евсея, ожидая его ответа.

Старик пошевелил губами, посмотрел на озеро, на лес.

– Можно и гуся попробовать, а коли сетку сплести расстараемся, так и рыбёшки на жарёху, даст бог, наловим.

– Отлично! – просияла я. – Тогда вы все сегодня занимаетесь рыбалкой и охотой. Надеюсь, к обеду будет рыба, а к ужину – дичь.

– Коль прикажете, барышня, то и будет, чего б не быть, – Евсей философски пожал плечами.

Я оставила команду строить планы захвата дичи, а сама уже привычным жестом взяла Машу за руку и отправилась искать нам компанию.

Первым делом подумала о Василисе, однако дёргать её не стала. Новоявленная горничная возилась с моим платьем, то ли замачивая, то ли отбивая от него кровь. Раз её обязанность – следить за моим гардеробом, то придётся стирать после похода в Васильевское. Даже если вернёмся поздно и уставшие. Пусть занимается чем-то одним.

Спиридоновну брать не слишком хотелось. Теперь она меня немного пугала непредсказуемостью своей реакции. Однако нам нужно поговорить. Если в спокойной обстановке и наедине объяснить ей, что Маша – обычный потерявшийся ребёнок, который нуждается в нашей помощи, Агриппина перестанет шептать молитвы и пугать остальных.

Хоть она и странная, но я заметила, что к ней многие прислушиваются. Значит, Спиридоновну стоит иметь на своей стороне.

Да, я как бы хозяйка всем этим людям и могу просто приказать. Однако в такой тревожный момент лучше заручиться доверием, а не раздавать приказы. Их могут и не исполнить, если страх затмит разум.

– Агриппина Спиридоновна, пойдёте с нами? – поинтересовалась я, подходя к женщине, нарезавшей чистую ткань на ровные полосы для бинтов.

– Доброго утра, барышня, – Спиридоновна сделала вид, что до этого меня не видела. Хотя вместе со всеми наблюдала за моим пробуждением от крика Мари. – Пойду, куда прикажете.

Изображая исполнительность, она тут же отложила бинты в сторону, собираясь подниматься. Всё ясно, ещё обижалась на решение назначить Лукею моим заместителем.

– Я не приказываю, я предлагаю пойти с нами в Васильевское. Хочу посмотреть, что уцелело после пожара. И наведаться в огород, – сообщила миролюбиво. – Если хотите, пойдём. Не хотите – оставайтесь.

Спиридоновна вскинула на меня внимательный взгляд, словно ожидала подвоха. Затем её лицо прояснилось.

– Благодарствую, Катерина Пална, что вспомнили обо мне, – у неё и тон сменился. Вновь стал серьёзным и почтительным. – Коли обождёте с минутку, бинты смотаю, да Верее отдам. Не справляется она, помощь нужна.

– Конечно, думаю, Васильевское нас дождётся, – улыбнулась я и предложила: – Давайте мы с Машей поможем бинты сворачивать.

Я вопросительно глянула на Марусю, она согласно кивнула. Спиридоновна сначала напряглась, когда к ленте потянулись маленькие ручки, но отпустила. И продолжила нарезать, стараясь держать ровную линию.

Вместе мы справились быстро. Агриппина понесла бинты травнице, пообещав по пути найти кого-нибудь посвободнее, чтобы пойти с нами. А я присела на корточки перед Мари, делая вид, что поправляю ворот рубашки.

– Ты помнишь, о чём мы говорили? – зашептала ей на ухо. – Молчи, даже если будут спрашивать – не отвечай. Хорошо?

Девочка закивала.

Я улыбнулась.

– Ты молодец, очень сообразительная мадемуазель.

И только произнеся это слово, поняла, что не стоило его использовать. Сама Мари, услышав его, посмурнела. Однако тут подошла Спиридоновна и с ней ещё две женщины – Марфа и Прасковья. Они несли мешки и корзины. Не только я надеялась найти в усадьбе еду. После несолёной каши будешь рад любому огурчику с морковкой.

– Барышня, погодите! – донеслось до меня. – Катерина Пална!

Я обернулась. Ко мне со всех ног неслась Василиса.

– Платье вам нашла, вот, – сообщила она, отдуваясь. – Не след в этом ходить, запнётесь ещё.

Вася была права. Вчера Лукея принесла то, что сумела достать в темноте. Я глянула на свой наряд и усмехнулась. Одежда скорей подошла бы Спиридоновне. Или крупной Марфе.

Однако я уже привыкла принимать за данность этот сон со всеми его странностями. Поэтому огромная блузка и безразмерная юбка меня не смущали.

Тем не менее, Василиса была права. Подол чересчур длинный, сантиметров на десять ниже моих стоп. В лагере мне это не слишком мешало, но в лесу можно запнуться о торчащую ветку или корень.

– Подождите меня на развилке, – велела женщинам.

А сама, не выпуская ладошки Мари, двинулась к ближайшим кустам. Наличие собственной горничной нравилось мне всё больше. Так можно и привыкнуть. Василиса отыскала ещё одно домашнее платье, которое оказалось мне в пору и при этом было чистым. Даже не сильно мятым. Не удивительно, что крепостное право так долго не хотели отменять. Очень удобно, когда не нужно самому заботиться о бытовых мелочах.

– Спасибо, Вася, ты молодец, – похвалила я девчонку, которая расцвела от моих слов.

– Я ещё то ваше платье подготовлю. Как раз к вечеру высохнет, прореху заштопаю, где, значит, вас это… – девушка смутилась, покраснела. Затем неловко поклонилась и бросилась прочь.

Под прорехой она имела в виду разрез от французской сабли на левом плече. Он был небольшим. Основной удар пришёлся на лицо. По коже побежали холодные мурашки. Кем надо быть, чтобы рубануть саблей беззащитную девушку?

Хорошо, что это лишь сон.

Глава 7

Пока мы собирались, солнце поднялось достаточно высоко. Прогрело воздух и землю после ночной прохлады. Из нор повылезали всякие букашки и бабочки, радостно перелетая с цветка на цветок или с травинки на травинку. Цикады оглушали своим пением, перекрикивая даже птиц. При нашем приближении все певуны замолкали, но, как только мы проходили мимо, вновь начинала звучать лесная музыка.

Сам воздух был наполнен звуками.

И это давало ощущение безопасности. Если кто-то появится у нас на пути, лес предупредит тишиной. Нужно только внимательно её слушать.

Сейчас, озарённая солнечным светом, тропинка выглядела совсем иначе. В темноте, когда мы шли здесь, уставшие и напуганные, немудрено было шарахаться от каждого движения ветки. Или увидеть в маленькой девочке злого духа, желающего завести в трясину.

Мари неожиданно осмелела или забылась. То и дело выпускала мою руку, чтобы сорвать цветок. А затем несла его мне. Очень скоро я держала уже целый букет.

Спиридоновна украдкой поглядывала на девочку. На её лице отражалась работа мысли, а ещё смущение. И это меня порадовало. Однако я не спешила начинать разговор первой. Ждала, когда сама решится.

Она решилась, когда мы проделали почти половину пути до Васильевского.

– Катерина Пална, виноватая я перед вами шибко, – начала она, тяжело вздохнув. – Вчерась сдуру наговорила всякого недоброго. Да и на сиротку безвинную напраслину наводила. Прощения просим, барышня.

– Почему ты думаешь, что она сиротка?

Извинений я ждала, а выводы Спиридоновны нуждались в обосновании. А может, дело было в том, что в моей душе что-то откликалось, когда Мари брала меня за руку. Кажется, я даже не буду против, если у неё не окажется родителей, и Маша останется со мной.

– Дык среди лесу тёмного кто ещё встретиться может? – Агриппина пожала плечами. – Только мавки да сиротки.

Звучало логично. Однако мне этих доказательств не доставало. Мне совесть не позволит оставить всё, как есть. Я себя знаю. Когда всё поутихнет, буду искать родню девочки.

Если не проснусь раньше.

Мари нашла очередной цветок, вернулась с ним, но на этот раз вручила не мне. Протянула Спиридоновне. Та даже остановилась от удивления.

– Это ты мне?

Маша кивнула и улыбнулась, продолжая тянуть ей цветок. У Агриппины мелко задрожала нижняя губа и пальцы, когда она ухватила стебель. Похоже, эмоциональная Спиридоновна готовилась заплакать от избытка чувств и раскаяния.

Я не вмешивалась. Малявка и сама прекрасно умела находить подход к людям. Однако когда Агриппина потянулась к ней, желая обнять, Мари коротко вскрикнула и отпрыгнула в сторону. Затем подбежала ко мне, уткнулась лицом в подол платья и застыла, испуганная.

– Видно, натерпелась от людей, бедняжка, раз боится так сильно, – пояснила я, встретив взгляд Спиридоновны.

Судя по вытянувшемуся лицу, она как раз собиралась обидеться на реакцию малявки. Но, обдумав мои слова, кивнула.

– Ироды, – вздохнула она. – Наплодили сирот и радуются. Скорей бы хранцузов этих прогнали с земли русской.

Агриппина эмоционально сплюнула на тропинку, выражая своё отношение к «хранцузам».

Я тоже вздохнула. Скоро не выгонят. Придётся продержаться ещё несколько месяцев. А потом восстанавливать разрушенное и сожжённое.

Васильевское открылось сразу, единой панорамой. Пусть это был и не мой дом, но сердце заныло.

Дерево горело быстро. Огонь уже сошёл, оставив обугленные остовы печей, окружённые чёрными угольными горами.

Не сговариваясь, мы затихли на границе усадьбы. Спиридоновна всхлипнула, приводя меня в чувство. Нельзя раскисать. У меня толпа голодных людей, о которых нужно заботиться.

Из малинника, вопросительно кокоча, вышел петух с ободранным хвостом и отсечённым краем гребня. Увидев, что пришли свои, он радостно закудахтал. Словно услышав разрешающий сигнал, из кустов выглянули ещё две напуганные курицы, тоже весьма подранного вида. Нам они обрадовались как родным, решив, что все беды позади, жизнь наладится, и ночевать они снова будут в тёплом курятнике.

– Хорошая примета, – подала голос Марфа, глядя на птиц.

И я была с ней согласна. Любые невзгоды рано или поздно заканчиваются. Нужно только выжить и выстоять.

***

Васильевское выглядело именно таким, как и должно – вымершим. Однако я продолжала вглядываться в посечённые розовые кусты, стволы обгоревших деревьев, увитый плющом декоративный заборчик, сломанный в нескольких местах.

Было тихо. Ни малейшего следа человеческого присутствия. Только ветер, неугомонные цикады и запах костровища, прежде напоминающий о школьных походах. Но сейчас от него становилось дурно, потому что теперь, вдыхая этот запах, я буду вспоминать тела, которые мы стаскивали в сарай, чтобы предать огню.

Я помотала головой, прогоняя навязчивые картины. Мы пришли сюда, чтобы найти еду. Не нужно отвлекаться.

Снова окинула взглядом сожжённую усадьбу, вслушиваясь в тишину. Она мне не нравилась. Я ей больше не доверяла.

– Спиридоновна, где огород? – спросила, жалея, что нет никакого бинокля. Или хотя бы подзорной трубы, раз уж мы в девятнадцатом веке.

– Вона там, перед рекой, – Агриппина махнула рукой влево. – Видите, теплица сверкает?

Действительно, вдалеке солнечные лучи отражались от чего-то стеклянного.

– Теплица – это хорошо, – в последний раз проходясь взглядом по окрестностям, проговорила я. А вот что идти придётся по открытому пространству – плохо.

Местность вокруг была холмистой. И с любого пригорка мы будем видны как на ладони.

Однако особого выбора у нас не было. Не идти же назад с пустыми руками лишь потому, что барышня испугалась тишины.

– Старайтесь не шуметь, они могут быть недалеко, – попросила я свою команду, прежде чем двинуться к усадьбе.

Впрочем, предупреждение было излишним. Женщины сохраняли траурное молчание. Не у одной меня сожжённые дома вызывали тоску. К счастью, мы обойдём их слева. Бродить среди пепла – то ещё удовольствие.

Вдоль усадьбы вела нахоженная тропинка. По ней можно было идти по двое, но мы выстроились гуськом. Каждая из женщин боялась, что другая захочет заговорить с ней, нарушая внутренний диалог. Они прощались – с домом, с прошлым, с родными.

Здесь не было места посторонним разговорам.

Раздумывая об этом, я не сразу заметила отсутствие Мари. Девочка не держала меня за руку, хотя прежде не отходила ни на шаг. И даже по пути сюда, собирая цветы, постоянно подходила ко мне и касалась, словно моё присутствие давало ей чувство безопасности.

И вдруг она исчезла.

Я резко остановилась. Идущая следом Спиридоновна, не заметив, врезалась мне в спину.

– Что такое, Катерина Пална? Хранцузы? – испуганно вскинулась она.

– Маша пропала, – выдохнула я и двинулась назад по тропинке.

Как только обошла остановившихся в недоумении Марфу и Прасковью, едва не расплакалась от облегчения.

Маруся шла за нами и вела за собой свою маленькую компанию. Кококая своим тонким голоском, она изображала пальцами сыплющееся зерно. Петух доверчиво следовал за девочкой, а куры – за ним.

– Маша, – я подошла к ней и присела.

Птицы тут же отошли, соблюдая дистанцию. Я не вызывала у них того же доверия.

– Пожалуйста, не отходи от меня. Здесь может быть небезопасно.

Мари набрала воздуха, чтобы ответить, но перевела взгляд на женщин, ожидающих в нескольких шагах, и кивнула. Я почти физически чувствовала огорчение малявки, сумевшей приручить птичью стаю и лишённой возможности поделиться этим.

– Ты очень смелая девочка и сильная. Петух признал тебя вожаком, потому и пошёл за тобой, – я попыталась немного смягчить её разочарование.

Она молча ухватилась за мою руку. Спустя несколько шагов бросила печальный взгляд назад. Птицы выдерживали дистанцию, однако двигались следом.

Малявка просияла, бросая на меня довольный взгляд и безмолвно спрашивая, мол, ты это видишь?

– Ты укротительница петухов! – восхитилась я, вызывая у Мари ещё большую радость.

Теперь она постоянно оборачивалась, чтобы проверить, идут ли птицы следом. Они порядком отстали, однако следовали за нами, не выпуская из виду.

Наконец мы миновали усадьбу и вышли на пологий берег реки. Водная гладь искрилась солнечными зайчиками. На поверхность выскакивали, играясь, рыбёшки. Длинноногий аист стоял на мелководье, поджидая добычу.

Казалось, ничто в мире не знает, что идёт война, гибнут люди, дети остаются сиротами. Природу не интересовали человеческие дрязги, она оставалась спокойной и безмятежной.

Ружейный выстрел в тишине раздался как гром среди ясного неба. Он нарушил идиллию. Аист взмыл вверх, резко взмахивая крыльями. Мари вскрикнула. Я рефлекторно присела, увлекая её за собой. Напуганные женщины последовали моему примеру.

Мы застыли в траве, слишком короткой, чтобы скрыть нас от стрелка, если он смотрит с пригорка в нашу сторону. Однако другого укрытия всё равно не было.

Я легла на землю, жестом призывая своих спутниц сделать то же самое. Помчались секунды, отбиваемые заполошными ударами сердца. Сбившееся дыхание казалось слишком громким в наступившей тишине и мешало прислушиваться.

Секунды сменялись минутами, а те собирались в десятки. Напряжение постепенно слабело, вызывая желание узнать, что происходит.

Я приподнялась и осмотрелась. За лесом в небо устремлялся густой столб дыма. Больше ничего не было видно.

– Ну что? – шёпотом поинтересовалась Спиридоновна. – Есть хранцузы али нету? Поясницу прихватило у меня, ещё чуток полежу, так и не встану.

Её слова заставили меня решиться. Лежать тут дальше было бессмысленно – есть поблизости французы или нет. Нам нужно укрытие понадёжнее.

Ближе всего находилась та самая теплица, к которой мы шли. Только вблизи стало видно, что стеклянные стены разбиты пулями. Осталось лишь деревянное основание с небольшими осколками, которые и бликовали на солнце.

Но даже такое укрытие было лучше, чем ничего. Внутри темнели растения, среди которых наши фигуры станут не так заметны.

– Кажется, всё тихо, – прошептала я. – Но нам лучше перейти в теплицу. На счёт «три» дружно встаём и бежим к ней. Один, два, три!

Я вскочила и бросилась через луг, увлекая за собой Мари.

Глава 8

Малявка не успевала, ноги путались в траве. Пришлось подхватить её на руки. Из-за сбившегося дыхания и стучавшей в висках крови я ничего не слышала. Не знала, что с другими.

Рванула на себя дверь, прыснувшую под ноги осколками. Забежала под стеклянный свод – запыхавшаяся, с ребёнком на руках – и лишь тогда обернулась. Растянувшись длинной цепочкой, женщины спешили к нам. Прасковья отстала от меня на десяток шагов, Марфа настолько же от неё. А Спиридоновна, пыхтя и отдуваясь, зашла в теплицу через несколько минут.

Бухнулась на скамеечку у распахнутой двери и выдохнула:

– Старая я ужо от хранцузов этих бегать. Пускай стреляют, коли хотят.

Агриппина была права. Если бы стрелок хотел, он легко мог убить нас по очереди. Так что он либо не желал стрелять в нас, либо вообще не видел. Я не умела определять расстояние по выстрелу. Тем более из ружей и пистолетов девятнадцатого века.

Думаю, выстрел был связан с тем дымом за лесом. Скорее всего, я зря заставила своих спутниц лежать в траве, а затем бежать через луг. Однако в нашей ситуации лучше перестраховаться с безопасностью, чем угодить в лапы наполеоновских солдат.

В Васильевском они уже доказали, что способны на любые зверства. Убивая женщин и детей, французы продемонстрировали полное отсутствие человечности. С такими нельзя договориться, их бесполезно молить о пощаде. Они хуже зверей, потому что те убивают из-за голода, а этим – просто нравится убивать.

Женщины испуганно мялись, хрупая стеклом под ногами. И с надеждой смотрели на меня. Ведь я единственная из них, кто не растерялся, услышав выстрел.

Мне хотелось их успокоить.

– Возможно, стреляли за лесом. Я видела дым. Не знаете, что там находится?

– Так это, – у Марфы расшились глаза, – обитель тама Святого Димитрия. Неужто матушек пожгли?

Женщина ахнула, прикрыв ладонью рот.

Спиридоновна широко перекрестилась.

– Ироды они и есть, ничего святого у энтих хранцузов, – и зашептала молитвы.

– Город там, Дорогобуж, – вставила Прасковья. – Может, и не монастырь горит.

– Город не видно отсель, что ты выдумала.

Оставив их гадать, что могли сжечь хранцузские ироды, я принялась осматривать теплицу.

Она была довольно большой и основательно сделанной. Конструкция держалась на восьми брёвнах, врытых глубоко в землю. К ним крепились длинные жерди, а на них – рамы со стёклами.

Правда, уцелел лишь стеклянный свод, не иначе – чудом.

Вдоль стены, смотревшей на реку, где была солнечная сторона, шёл ряд томатов. Тяжёлые красные плоды на привязанных к столбикам стеблях чередовались с зеленоватыми. Помидорам я обрадовалась как родным. Наедимся вдоволь, ещё и через недельку вернуться можно за добавкой.

Напротив росли перцы и баклажаны. И, кажется, в дальнем углу я разглядела зелёные пупырки огурцов. Над ними разместились полки, уставленные горшками. От них шёл пряный запах трав.

Представляю, как красиво и аккуратно было здесь несколько дней назад. Кто-то явно увлекался выращиванием овощей и специй.

Однако сейчас в теплице царил хаос. Всё было засыпано стеклянным крошевом, меж которого встречались крупные осколки с острыми краями, перемежаясь с черепками разбитых горшков. Часть растений, срезанная пулями или стеклом, печально лежала на земле.

И всё же у нас получится собрать неплохой урожай. Наша вылазка не была бесполезной. И даже если у Евсея с ребятами не удастся охота, пустую кашу сегодня есть не придётся.

Я потянулась за сочным розовым помидором, маняще свисающим с ветки рядом со мной. И поняла, что складывать овощи не во что. Корзины женщины бросили на лугу. Когда раздался выстрел, все слишком перепугались, чтобы беспокоиться о том, куда собирать урожай.

Значит, кому-то придётся вернуться и забрать их.

Я сорвала помидор, обтёрла подолом, думая, что вряд ли это сделает его чище. Затем разломила пополам. По пальцам потёк сок, распространяя вокруг запах спелого томата.

– Держи, – протянула половинку малявке.

Она охотно взяла и сразу откусила, втягивая губами сок, чтобы не растёкся. Я последовала её примеру.

– Стойте, барышня! Не ешьте это! – испуганно взвизгнула Спиридоновна.

– Почему? – я оглядела свою половину томата.

Выглядела она весьма аппетитной. Однако лица крестьянок были испуганными. Казалось, они за малым не решаются вырвать помидор у меня из руки.

– Что не так? – удивилась. – Я его обтёрла.

Может, им не нравится, что сама немытое ем и ребёнку дала?

Прасковья с Марфой сразу опустили взгляды в пол. И только осмелевшая Спиридоновна высказалась.

– Ядовитые это плоды и греховные, нельзя их вкушать, – она была очень серьёзна.

Наверное, поэтому я не рассмеялась. Ладно, ядовитые. Томат относится к паслёновым. В этом семействе почти все содержат свою долю ядовитых веществ. Правда, от картофеля или помидоров максимум, что может случиться – это пищевое расстройство. И то, помидоры придётся есть зелёными, а картошку – сырой и вместе с кожурой.

Конечно, если вы не аллергик, тут уже другая история.

Кстати, об истории. Я читала, что в России поначалу сильно сопротивлялись посадке картофеля. А Пётр I очень хотел внедрить его в рацион своих подданных и заставлял засаживать поля.

Когда картофель отцветал, на стеблях появлялись ягоды. Их собирали и ели, не зная, что они ядовиты. О том, что съедобен клубень, крестьяне сообразили не сразу, а просвещать на этот счёт жителей империи Пётр I, видимо, не догадался.

В общем, хотел как лучше, а получилось как всегда, выражаясь словами одного политика.

– И почему же помидоры греховные? – задала я главный вопрос, не спеша откусывать.

Мари тоже заинтересовалась дискуссией и перестала есть свою половину.

– Потому как Ева сорвала этот плод с древа великого, вкусила сама и дала вкусить супругу своему Адаму, – Спиридоновна вещала как заправский пастырь на воскресной службе.

Однако меня смутил один момент.

– Ева ж яблоко сорвала, а это томат, – поправила я.

– Одно и то же это, греховный плод, – Агриппина насупилась, но стояла на своём.

– В смысле одно и то же? – я поразилась такому поверхностному знанию ботаники. – Они вообще из разных семейств. Яблоки растут на яблоне, которая – дерево. А это…

Я окинула взглядом помидорный ряд, подбирая название. Не кустарник, не лиана. Вот как его назвать?

– В общем, совсем не дерево! – закончила, продемонстрировав тоже не самое отличное знание ботаники.

Спиридоновна надулась, но промолчала. Кажется, её аргументы закончились. Поэтому я наконец откусила сочную мякоть и тихонько промычала от удовольствия. Ещё бы соли…

– Скажите-ка мне, Агриппина Спиридоновна, кто этой теплицей занимался?

– Будто вы не знаете, барышня, – обиженно фыркнула она.

– Я по-прежнему ничего не помню. Как очнулась вчера в сарае, так словно заново жизнь начала. Пожалуйста, делайте на это скидку.

– Вы придумали теплицу эту, Катерина Павловна, – ответила вместо Спиридоновны Прасковья. – Сами тут и возились. Мы вам только воды таскали на полив, да полоть иногда помогали.

– А что я после делала с этими плодами?

– Кушали вы их, – снова ответила Прасковья. – И вы, и батюшка ваш, царствие ему небесное, и гости, коли приезжали.

Я посмотрела на Спиридоновну, укоризненно подняв брови.

– Вы ж не помните ничего, сами сказали, – насупилась она. – Вот я и думала наставить вас на путь истинный, пока не поздно.

– Спасибо за желание помочь, – улыбнулась я.

На Спиридоновну даже не сердилась, хотя она и попыталась схитрить, воспользовавшись моей потерей памяти. Она не виновата, что родилась человеком ограниченным и при этом упрямым. Да и верит она искренне. И меня пытается на путь истинный вернуть.

Однако помидоры я люблю, греховные они или нет. И Агриппине придётся с этим смириться.

– Прасковья, Марфа, сходите, пожалуйста, за корзинами, будем урожай собирать.

– А коли там хранцуз палить опять начнёт? – Спиридоновна никак не могла оставить свою жажду противоречия.

Женщины повернулись ко мне с немым вопросом на лицах, готовые испугаться, но подчиниться приказу.

– Если бы нас хотели застрелить, нас бы застрелили. По очереди, когда мы бежали к теплице. Я думаю, что вы правы, и стреляли за лесом, в монастыре или в городе, не знаю. Но точно не здесь.

Женщины согласно кивнули, однако покидали теплицу с опаской. Но не может же барышня сама выполнять всю работу. К тому же я хотела поговорить с Агриппиной наедине.

– Спиридоновна.

– Ась? – она сосредоточенно рассматривала томатный ряд.

Но при звуке своего имени встрепенулась и отвела взгляд. Кажется, кто-то надумал под шумок сорвать запретный плод.

– Вот скажите мне, прежде, до потери памяти, когда я была самой собой, как бы поступила, если бы кто-то из прислуги стал оспаривать мои решения, науськивать против меня других крестьян, обманывать, пользуясь моим нездоровьем… – сделала долгую паузу, чтобы Спиридоновна поняла, о ком именно говорю. – Чтобы прежняя Катерина Павловна сделала с таким человеком?

Лицо Агриппины вытянулось и побледнело. Она вскочила со скамеечки, чтобы тут же бухнуться мне в ноги. Захрустели стёкла у неё под коленями. Однако Спиридоновна этого даже не заметила. Я испуганно ахнула, думая, что переборщила.

– Барышня, миленькая, прости дуру старую, бес меня попутал! – она обхватила мои ноги с явным намерением поцеловать носки туфель.

Я от испуга отшатнулась и чуть не упала. Маруся смотрела на эту сцену расширенными глазами, готовясь заплакать. Малявка тоже перепугалась экспрессивности пожилой женщины.

– Сама не знаю, что на меня нашло. Будто нашёптывал кто поперечничать вам.

Спиридоновна тянула ко мне руки. И я сделала ещё шаг назад, чтобы она точно не дотянулась.

– Вы так и не ответили, что бы сделала прежняя Катерина Павловна?

Агриппина вздохнула и, будто ныряя в прорубь, призналась:

– Велели б высечь. Десяток плетей, а то и два, чтоб неповадно было.

– Спасибо за ответ, Агриппина Спиридоновна. Я хочу, чтобы вы помнили об этом, когда в следующий раз начнёте мне поперечничать. Память может вернуться в любой момент, и я стану прежней. И буду делать то, что делала прежде. Это понятно?

Спиридоновна покаянно склонила голову. Однако молчала.

– Я не слышу ответа, – произнесла жёстко.

Лучше разобраться с этим раз и навсегда. Пряник я уже пробовала, значит, пора перейти к кнуту. В аллегорическом смысле. Разумеется, пороть я никого не собиралась.

– Да, Катерина Паловна, я вас поняла. Услышала и запомнила на весь век.

Я только надеялась, что «весь век» продлится достаточно долго.

– Ну тогда поднимайтесь, и давайте начнём уже наконец собирать урожай.

Я приподняла подол, собрала в узел и пошла вдоль томатного ряда. Малявка снова схватила меня за край одежды и крепко держалась, всё ещё напуганная выходкой Спиридоновны. Девочка мелко дрожала, не поднимая взгляда.

– Маруся, помогай мне. Без твоей помощи я не справлюсь. У меня только одна рука свободная, а нужно две. Вот смотри, берёшь томат правой ручкой, левой придерживаешь веточку, поворачиваешь и хоп! – я сюсюкала и преувеличенно обрадовалась, когда помидор оказался у меня в руке. Что угодно, лишь бы отвлечь её и переключить.

А Спиридоновну хотелось стукнуть посильнее. Или себя за то, что решила взять её с собой. Ребёнок только-только начал отходить от потрясения. И тут опять.

К счастью, сбор томатов в мой подол увлёк Мари. Она перестала хвататься за меня и использовала обе руки. Я только держала импровизированный мешок, пока не вернулись женщины с корзинами.

Глава 9

В теплице удалось наполнить целую корзину. Томаты, перцы, баклажаны… Я уже чувствовала вкус рагу во рту. Не хватало только моркови и картофеля. Если его тут сажают. Мало ли, после помидоров уже не удивлюсь.

– Спиридоновна, – окликнула я, когда выходили из теплицы. – Картошку мы сажаем?

– Сажаем, – вздохнула она.

– И никто не потравился? – я делано изумилась.

– Никто, барышня, – Агриппина сделалась мрачной и громко пыхтела. Однако больше не стремилась читать лекции о пользе и вреде овощей.

– Тогда идём, выкопаем немного в рагу.

– Врагу? – ахнула Марфа, недопоняв.

– В рагу, – раздельно произнесла я. – Блюдо так называется, я раньше не готовила?

Все трое медленно покачали головами, удивлённо глядя на меня.

– Я вообще готовила? – уточнила.

– А зачем? – искренне удивилась Спиридоновна. – На то кухарка есть.

– Была, – мрачно поправила Прасковья и тяжело вздохнула.

– Да и батюшка ваш поваров столичных на пробу выписывал, то хранцуза, то немца, – добавила Марфа.

– Ещё гличанин был, – вспомнила Спиридоновна. – Токмо и с месяц не продержался.

Все трое засмеялись воспоминаниям. А потом пояснили для меня.

– Тако хрючево на стол подавал, что барин не сдержался, вытолкал взашей.

– Да, батюшка ваш, Павел Лексеич, коли что не по его, скорый на расправу был.

– Был, – вздохнула Прасковья, добавляя: – Царствие ему небесное.

Пока мы шли от теплицы к открытым грядкам, женщины вспоминали прошлую, мирную жизнь. Отдельными фрагментами, зарисовками, смешными и грустными. Однако я понемногу узнавала о себе, то есть Катерине Павловне Повалишиной, её отце, усадебном укладе.

Мне нравились их рассказы. И Васильевское нравилось. Прежнее, до набега мародёров. Я вдруг поняла, что с радостью сменила бы свою пятидневку с вечными авралами, дедлайнами и стрессом на мирную жизнь русской усадьбы.

Хотя скучала бы по благам цивилизации. Тут с ними не особо. Не изобрели пока. Пришлось бы подождать, лет так двести…

На краю картофельного поля лежали оставленные вилы. Марфа со сноровкой схватила их, воткнула в землю и наступила ногой.

Земля в Васильевском была хорошая, тёмная, жирная. И картофель уродился ей под стать – с трёх кустов мы собрали половину корзины. Я велела на этом остановиться. В нашем случае жадность недопустима – не донесём.

Ещё десяток морковин да луковиц – и почти полная набралась.

Вроде много, но, если подумать, на двадцать с лишним человек берём. Что эти две корзины на всех? День, максимум два. Потом снова идти придётся.

К счастью, урожай обещал быть хорошим. Недели через три можно собирать. Если ещё что не случится.

Третью корзину мы заполнили свёклой, репой и редькой. Я к этим овощам относилась спокойно, а репку вообще встречала только в сказке.

Однако остальные считали иначе. Прасковья, вытащив очередной клубень, обтёрла его подолом и протянула Мари.

– Попробуй репку, детонька, сладкая, – протянула она.

Маша привычно уткнулась лицом в моё платье.

– Давайте мне, спасибо, – пришлось забрать репку самой.

Внешне она была похожа на картофель, только в форме приплюснутого на полюсах шара. А сверху ботва, напоминающая листья салата. Я оторвала листья и корешки, ещё раз протёрла.

Её бы вымыть сначала. Но для этого придётся спуститься на берег реки или дойти до колодца на территории усадьбы. Оба варианта я отмела и положила репку в карман – до лучших времён.

– Мне в детстве мама рассказывала сказку про репку, – сообщила я Маше, позабыв, что у Катерины Павловны было другое детство. – Хочешь, тебе расскажу?

Мари, не отрывая лица от моего подола, кивнула. Я улыбнулась. Предсказуемый ответ, сказки все любят.

– Жили-были старик со старухой у самого синего моря, – слова царапнули слух, словно я что-то напутала.

Однако я не могла спутать, в этой сказке точно действовала пара стариков, их внучка и домашние питомцы. Поэтому продолжила рассказ.

– Посадили они репку. Выросла репка большая-пребольшая.

В какой-то момент к слушателям добавились Прасковья с Марфой, а за ними и Спиридоновна. Когда персонажи, ухватившись друг за друга, наконец вытащили репку, Агриппина покачала головой и с восхищением заметила:

– Ну вы, барышня, и мастерица придумывать. Да так складно у вас выходит.

– А про капусту сочинить можете? – спросила Прасковья, которая забывшись, так и держала кочан в руках.

А я поняла, что тоже забылась. Это для меня сказка была русская народная, что являлось синонимом древности. Возможно, фольклористы услышали и записали её позже наполеоновского нашествия. И в Васильевском такой истории ещё не слышали.

Я коснулась лица кончиками пальцев, ощущая неприятную шероховатость рубца. Пока на него можно списывать любые странности в поведении. Однако я не должна расслабляться. Опасность для меня исходит не только от французских солдат. Если повалишинские крестьяне узнают, что я не их хозяйка, как они отреагируют?

Этого я не могла предугадать. И не хотела.

А то сон окончательно превратится в кошмар.

– Про капусту можно эту же рассказывать, – улыбнулась я Прасковье. – Вообще любой овощ подставить – смысл не изменится.

Маша нащупала репку у меня в кармане и потянула наружу. После сказки её лицо прояснилось. История сделала своё дело – отвлекла ребёнка и перенаправила эмоции в другое русло.

Я наблюдала, как Мари хрустит сочным корнеплодом, и думала, ничего страшного, что не вымыла. Главное, малышка довольна.

Наполнив корзины, мы присели отдохнуть. Хотелось пить, но воды с собой захватить никто не догадался. Да и набрать её было не во что. Прасковья порывалась поискать сосуд среди руин, но я остановила. Потом вкус гари с губ долго не смоется.

– Помидоры сочные, – сообщила им, – сразу и жажду утолим, и перекусим.

Маша вскочила и потянулась к корзине. Сначала принесла мне, затем взяла для себя. Прасковья с Марфой тоже не стали сопротивляться. Раз барышня разрешает овощи из хозяйской теплицы есть, чего б не угоститься.

Зато на лице Спиридоновны отражалась внутренняя борьба. Она ведь громогласно вещала, что это греховные плоды. И кто их съест, отправится прямиком в ад. Забрать обратно слова она не могла, а может, действительно верила в них. Однако жажда её мучила наравне с нами.

Вопрос решила Мари. Она снова встала, выбрала томат посочнее и отнесла Агриппине.

– Ты ж моё дитятко, – расчувствовалась Спиридоновна. – Благодарствую.

И больше ни на что не отвлекаясь, вгрызлась в сочную мякоть. Я наблюдала за лицом Агрипины. За тем, как на нём сменяются эмоции. И поняла, что статус греховного плода с томатов снят навсегда.

Отвлёкшись, я не сразу заметила, что Мари осторожно тянет меня за рукав.

– Что, маленькая? – спросила, тут же прикусывая язык. – В кустики хочешь? Пойдём, отведу.

Другую причину для отхода я быстро не придумала. Надеюсь, Маша не слишком смутилась, что я озвучила это вслух.

До ближайших кустиков было шагов пятьдесят. Мы прошли их в молчании, затем я наклонилась к девочке.

– Что такое? – прошептала.

– *Tu as bien compris. Je dois aller aux toilettes*[3], – ответила она так же шёпотом.

– Малышка, я не знаю французского, – вздохнула я. – Может, ты попробуешь показать мне, чего хочешь?

– *Je veux faire pipi*[4], – сообщила она с таким видом, будто я была совсем дремучей. Впрочем, именно такой я себя и чувствовала. Хотя слово «пипи» показалось мне смутно знакомым.

Решив, не ждать, когда я догадаюсь, малявка спустила штанишки и присела у розового куста.

Точно! «Пипи». Удобное слово, сразу всё понятно. Ну если знаешь, о чём речь, конечно. Или имеешь опыт общения с маленькими детьми.

Я отвернулась, разглядывая живую изгородь, служившую границей огорода и сада. Тут почти не было видно разрушений. Спелые яблоки висели на ветках и густо усеивали землю. Рядом росли сливы и алыча.

В небольших зелёных плодах, растрескавшихся от верхушки к основанию, я с удивлением разглядела грецкий орех.

Не ожидала, что он растёт в России. Движимая любопытством, подошла ближе. Коснулась светлой скорлупы. Точно, орех. Удивительно.

Тут же сорвала ещё один. Соединила их в ладони и крепко сжала её второй рукой. Громкий треск оповестил об удаче.

– *Montre-moi. Qu'est-ce que tu as?*[5] – поинтересовалась подошедшая Мари.

Я собралась повторить, что не понимаю языка. Однако малявка взяла меня за руку, опуская её ниже.

– А-а, ты хочешь посмотреть. Это грецкий орех, – произнесла я, стараясь чётко выговаривать слова. Должна же она заговорить на русском, если понимает язык? – Очень вкусно. Хочешь попробовать?

– *Veux*[6], – она закивала.

Я выбрала скорлупки, оставив на ладони кусочки ядра, и протянула Мари. Орехи действительно были вкусными. Мы прошлись по саду, собирая мне в подол паданцы с пяти ореховых деревьев.

Я уже собралась повернуть обратно, чтобы вернуться к женщинам и корзинам с продуктами, как заметила странный холм. Он неожиданно вырос среди ровной поверхности сада. Довольно высокий, в полтора человеческих роста, диаметром метра три или чуть больше, с крутыми склонами, покрытыми травой.

---

[3] *- Ты все правильно поняла. Мне нужно в туалет.*

[4] *- Я хочу писать.*

[5] *- Покажи мне. Что это у тебя?*

[6] *- Да.*

– Как ты думаешь, что это за холм? – спросила я вслух, так и не привыкнув, что Мари только понимает, но не говорит по-русски.

– *C'est une cave*[7], – охотно ответила девочка.

Правда, яснее от этого не стало. Я двинулась вдоль основания холма, протягивая Марусе свободную ладонь. Однако малышка увлечённо выковыривала орех из скорлупы. Когда мы с ней были вдвоём, она вела себя как обычный ребёнок. Её пугали другие люди, заставляя меня каждый раз задаваться вопросом – что же такое ей довелось пережить? И почему она не боялась меня, выбрав своей защитницей?

Холм оказался погребом, дверь которого была обращена в сторону усадьбы.

– *Je te l'avais dit!* [8]– воскликнула Мари, что бы это ни значило.

– Потише, пожалуйста, – осадила её я, – мы не так далеко от остальных. Они могут услышать.

Девочка послушно замолчала, вернувшись к ковырянию ореха. А я вспомнила слова Лукеи, что в погребе есть соль. Однако где ключ от него, знаю только я. Точнее Катерина Павловна, которой я в данный момент являюсь.

Значит, только от меня зависит, будет ли у нас сегодня вкусное рагу на ужин, или снова придётся есть несолёное.

[7] - *Это погреб.*

[8] - *Я же тебе говорила!*

Глава 10

В погреб вела массивная дубовая дверь, полускрытая аркой дёрна. По торчащим корешкам деловито ползали муравьи. В углах пестрела паутина, поджидая зазевавшуюся жертву. Я содрогнулась от омерзения. Терпеть не могу пауков.

Впрочем, у двери было чисто. Погреб вовсе не выглядел заброшенным. Толстый слой земли защищал его от солнечных лучей, а трава удерживала землю.

Наши предки умели обходиться без современных удобств или изобретали их, если становилось совсем уж невмоготу.

Косясь на паутину, я подошла к двери. Ручки на ней не было. Видимо, открывается внутрь. Я нажала на створку. Затем толкнула, навалившись всем весом. Дерево не скрипнуло, не шелохнулось, словно являлось частью каменной кладки стен.

Был бы подвесной замок, я б, наверное, решилась сбить дужки. Поискать камень или топор, или ещё что, столь же тяжёлое и твёрдое. Пусть бы звон по всей округе пошёл. Риск того стоил. Однако замок был врезан в створку и выглядел её неотъемлемой частью.

Нужен ключ.

Без него не открыть.

Стараясь краем зрения следить за обитателем ближайшей паутины, я провела ладонью по стене. Камень был шершавым на ощупь, прохладным и твёрдым. Скрепляющий раствор тоже закаменел. Я попыталась поковырять пальцем в щелях, надеясь обнаружить тайник, однако не сумела зацепить даже песчинок от него. Строители или время сделали стену монолитной.

В общем, если нет ключа, вскрыть погреб мог только экскаватор.

– *Qu'est-ce que tu cherches?* [9]– раздалось из-за спины.

Я вздрогнула от неожиданности, выпрямилась и угодила плечом в паутину. Липкая нить вцепилась в одежду, заставляя меня исполнять танец воинствующей брезгливости. Иными словами – крутиться волчком, пытаясь смахнуть паутину с себя и одновременно разглядывая платье на предмет лишней живности.

Экспрессивно размахивая руками, я зацепила свисающий пласт дёрна. На меня посыпались комья земли с белёсыми корнями и травой. Вскрикнув, отскочила назад, подальше от этого землепада. По коже бегали мурашки, а может, и муравьи.

– *Qu'est-ce qui s'est passé ? Tu as mal?* [10]– с волнением в голосе спросила Мари.

– Слушай, Маш, – я повернулась к ней. – Давай ты попробуешь говорить по-русски, а? Ты умненькая девочка, быстро научишься.

Малявка застыла. Её глаза стали огромными. А взгляд виноватым. Однако я не была уверена наверняка, Маша быстро потупилась.

– Ты что, можешь говорить по-русски? – я решила проверить догадку. И попала в точку.

Мари всхлипнула, резко закрыла лицо руками и отвернулась.

– Почему ты не хочешь говорить по-русски? Ответь! – настаивала я.

Девочка рванула прочь, быстро скрывшись за кустами крыжовника и чёрной смородины. Я собралась было вдогонку, но тут за моей спиной что-то звякнуло.

Я обернулась. Рядом с каменным порогом лежал фигурный ключ на шнурке с отшлифованной дощечкой вместо брелока.

Похоже, тайник для ключа был спрятан на стене под дёрном. Я потревожила его своей неуклюжестью. Теперь у меня есть ключ от погреба с припасами.

---

[9] - *Что ты ищешь?*

[10] - *Что случилось? Тебе больно?*

Однако Мари убежала. И как бы сильно мне ни хотелось открыть эту дверь, сначала нужно разыскать ребёнка. Сейчас не то время, чтобы позволить Маше прятаться где-то в сожжённой усадьбе.

Я двинулась за ней.

Сначала просто шла, обдумывая свои слова и её реакцию. Похоже, девочка не только понимает наш язык, но и говорит на нём. Точнее, говорила. Теперь она категорически не желает издать и звука по-русски, даже притворилась, что разговаривает исключительно на французском.

Ума не приложу, что такое могло произойти с пятилетней Машей, чтобы она решила стать Мари.

В любом случае давить на неё я не собираюсь. Будет готова – заговорит. Тогда и расскажет, что с ней стряслось.

Пока же нужно просто её найти.

Я прошла до конца сада, заглядывая под каждый кустик и за каждое дерево. Малышки нигде не было.

– Маша! – позвала я. – Маруся, пожалуйста, хватит прятаться. Я начинаю переживать.

Ответом мне была тишина. Даже цикады смолкли, напуганные моим голосом.

– Маруся, прости, что я на тебя давила. Я не буду ни о чём спрашивать, только вернись ко мне.

Миновав сад, я направилась дальше. По краю усадьбы. Здесь остро чувствовался запах гари, усиливая мою тревогу.

– Маша! – снова крикнула я.

– Барышня! Катерина Павловна! – звали позади меня.

Точно, женщины. Я совсем о них забыла. Вчетвером мы сможем охватить большую площадь и быстрее найдём Мари. Я пошла назад, встретив их по пути.

– Что стряслось, Катерина Паловна? – облегчение при виде меня сменилось обеспокоенностью.

– Маша пропала, – вздохнула я. – Испугалась или обиделась на меня и убежала.

– Ой тю, – Спиридоновна пренебрежительно махнула рукой, – подумаешь, дитё убёгло. Вы, барышня, кажный день от нянек бегали. Прятались да следили, как вас зовут да ищут. Хихикали себе, потом домой шли, будто так и надо. А раз, помню…

– Гриппа, – перебила я её, чувствуя нарастающий гнев. – Ты бы думала, прежде чем рот открывать. Идёт война. За любым кустом может прятаться вражеский солдат. Только вчера они убили здесь десятки людей.

Спиридоновна побледнела. Я не собиралась больше щадить её чувства. Эта женщина слишком много себе позволяла. Знать бы ещё, почему она так вольно ведёт себя с хозяйкой.

Однако сейчас меня больше волновало иное. Нужно найти Машу, пока она не попала в неприятности. А в том, что в разорённой усадьбе, окружённой лесом и французскими солдатами, это может случиться с большой долей вероятности, я не сомневалась.

Поэтому отвергла вежливое обращение, решив, что так будет доходчивее.

– Прасковья, идёшь обратно в сад, Маша могла вернуться. Спиридоновна – на тебе усадьба, чтоб прошерстила каждую кучку золы. Марфа – скотный двор, там уцелела часть построек. Кто найдёт – кричите.

Спиридоновна набрала воздуха, но под моим тяжёлым взглядом промолчала. Молодец, начинает учиться.

Раздав указания, сама направилась в парк, большой, тенистый, с массой укромных уголков, где может спрятаться вражеский отряд, не то что маленькая девочка.

Я шла по широкой еловой аллее, под ногами хрустел гравий, перемешанный с песком. Пели птицы, кричали цикады. Здесь ничто не напоминало о войне. Похоже, мародёры просто обошли парк стороной, ведь ночью тут никого не было.

– Маша, – позвала я негромко, – Маша, если ты слышишь, пожалуйста, выходи. Я волнуюсь за тебя. Тут может быть небезопасно. Вдруг здесь водятся кусачие ёжики?

Пугать ребёнка кем-то более крупным и опасным я не решилась.

Остановилась, прислушиваясь. Лёгкий ветерок шуршал листвой. Неподалёку квакали лягушки. И вдруг затихли. Я интуитивно двинулась в том направлении.

Зелёные лужайки перемежались цветущими розовыми кустами. Меж цветов деловито летали пчёлы. Будь сейчас другое время, я бы обязательно остановилась, чтобы понюхать цветы. Обожаю розы. А здесь, кажется, росли всевозможные сорта.

Вскоре показался пруд с деревянным горбатым мостиком, выкрашенным в белый цвет. Одна из балясин в перилах была переломлена в центре, щерясь острыми щепками и напоминая выбитый зуб в грустной улыбке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.